

Марина и Сергей Дяченко

Ведьмин век

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118917

Аннотация

В этом мире сочетаются обыденность и миф. Здесь ведьмы танцуют в балете, а по улицам города бродят нави – злобные и несчастные, преследуемые жестокой спецслужбой «Чугайстер». Когда крах неизбежен, когда неминуема катастрофа, кто поверит в новую любовь, такую невозможную по обывательским меркам?

Содержание

Пролог	4
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	42
Глава четвертая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Марина и Сергей Дяченко

Ведьмин век

Пролог

То, что он собирался сделать, вот уже много веков носило на себе печать негласного запрета.

То, что он собирался сделать, пугало его самого – но он умело гнал от себя страх. Две сухих палочки – одна в другой – были идеально притерты друг к другу. Готов был хворост, и готов был мох, высохший, ломкий, готовый с благодарностью принять любую, самую маленькую искру.

И прежде чем взяться за тяжелую работу, он положил ладони на землю и попросил ее о снисхождении.

За его спиной молчали исполинские ели в тяжелых платьях до самой земли. Нижние их ветви, частью сухие, подрагивали, как черные руки; зеленый пышный мох свисал со стволов неопрятной бородой.

Молчал туман, стекающий по склону в долину; молчали дальние горы – та, что поближе, зеленая, другая – синяя, а самая дальняя – серая, как небо. Далеко-далеко позвякивал колокольчик – хороший хозяин привесил его на шею тонкорунному барану, добрый хозяин, звонкий, звонкий колокольчик...

От приземистого неприметного жилья, наполовину скрытого теперь туманом, тянуло запахом дыма.

Он перевел дыхание. Медленно расстегнул ремешок наручных часов, смял, засунул глубоко в карман, помассировал запястье; в последний раз огляделся вокруг – и взялся за работу.

Чистый огонь рождается только так – трением дерева о дерево.

Чистая ватра поднимется до неба, и тогда на несколько коротких часов человек окажется в безопасности. Потом огонь прогорит – и надо будет до утра сторожить горячие угли, чтобы *та* не явилась...

Впрочем, *та* может прийти и теперь. Теперь, когда он за работой и беззащитен; она уже почуяла угрозу, исходящую из его рук, и, возможно, нервно принюхивается, вода носом из стороны в сторону, ловя ветерки, дуновения, запахи...

А может быть, она уже спешит сюда; человек снова оглянулся – и утратил усилия.

То, что он делал, носило на себе печать негласного запрета – но разве у него был другой выход?

Разве он умел защитить себя иначе – себя, своих детей, свою скотину, свой дом?..

Пусть те, что живут в деревне, это пусть они откупаются. Пытаются *ее* задобрить; он, чьи предки годами не сходили в долину, чьи предки не ложились рядом с людьми на кладбище – а только здесь, на горе, у дома, в одной ограде... Он никому не станет кланяться. Он поможет себе сам.

Дерево пахло дымом. Дым поднимался из-под его рук, еще немного, если *ведьма* не явится сейчас – значит, он почти победил.

Дым. Сладостный запах дыма. Быстро произнесенная ритуальная фраза, щепотка земли и щепотка соли – вот оно, чистое пламя...

Несколько секунд он блаженно отдыхал; потом поднялся и подбросил хвороста. Огонь трещал, разгораясь, выгоняя наружу синие узловатые клубы. Чистый огонь. Рано утром он проведет через остывшие угли детей – и они будут здоровы. Проведет корову – и дети будут

сыты... И пройдет сам. И зашьет черный уголек в мешочек, и повесит себе на шею, и, встретив *ее*, смело посмотрит в глаза...

Он вздрогнул. Ему показалось, что искры, высыпаящиеся в темно-серое небо, летят *не так*.

Здесь? *Она* здесь? Или ему померещилось?..

Он до боли в глазах оглядывал темнеющую гору, и дальние склоны, и ближние стволы; искры сыпались теперь, *как надо*. Значит, померещилось. Значит, подождем...

Он уселся снова. И сцепил пальцы на рукояти острой, древней, как смереки, бартки.

Ватра горела. Гибкий оранжевый язык, вылизывающий небо; человеку казалось, что мир вокруг чернеет, не в силах соперничать в красках с чистым огнем. Что он слепнет, что в глазах его пляшут огненные круги, что в мире нет ничего, кроме этого обволакивающего, дающего силу света.

Он опустил веки, и огненно-желтый свет сменился ярко-красным.

Где-то ухал филин и возились под корнями мыши; человек смотрел на красный круг, горящий на внутренней поверхности его век, и видел, как среди яркого белого дня по крутой тропинке с трудом взбирается его жена, беременная младшим сыном. Он смотрел, как осторожно она ставит отекающие ноги, как испуганно хватается рукой за его вовремя протянутую руку – и тоска, и нежность, и боль утраты забивали ему горло, не давая перевести дыхание.

Металлический отблеск неподвижного топорика. Тишина. Остановилось время.

Он открыл глаза; теперь ему виделись его дети, опасливой вереницей проходящие по остывшим углям. Старший, с вечно опущенными уголками рта, мрачноватый и жесткий, и лицом и характером похожий на своего сурового деда; средний, похожий на мать, светло-волосый и любопытный, с вечно удивленными зелеными глазами и шрамом над верхней губой; младший, полуторагодовалый, не знавший материнского молока, с трудом переступающий тонкими слабыми ножками...

Человек прерывисто вздохнул.

Он смотрел в огонь, и ему казалось, что и горы и лес смотрят в пламя тоже. Что и горы и лес вздрагивают, удивляясь его смелости; давным-давно никто не зажигал здесь чистого огня, одна только искра которого может дотла спалить полмира...

Ветер переменил направление.

Человек по-прежнему сидел неподвижно, но теперь глаза его ни на секунду не прекращали обшаривать темноту за гранью огненного круга. Может прийти и Чугайстер. Может прийти, чтобы танцевать у огня скверное, скверное соседство...

Далеко, в темноте, на пороге приземистого дома пискнул приемник, знаменуя наступление полуночи.

Чуть заметное напряжение пробежало по подсвеченным лапам смерек, чуть заметное дуновение ветерка; человек напрягся тоже, и по спине его продрал мороз. Померещилось? Стоны, звуки... шелест... блики... Померещилось или нет?..

– Уходи, ведьма, – проговорил он, медленно поднимая бартку.

Женщина стояла на краю освещенного круга.

И он, уже готовый к броску, к удару – отпрянул.

Потому что пришедшая на чистый огонь не была ведьмой.

Тело белое, как овечий сыр. Лицо без единой кровинки; до последней черточки знакомое лицо, только глаза непомерно большие, больше, чем были при жизни.

Ее имя так и не соскользнуло с его губ. Губы не повиновались ему; женщина медленно покачала головой, не отводя странного, прозрачного, печального взгляда. Тонкая кожа, кажется, просвечивает насквозь. Бесконечно родное лицо.

– Ты... пришла... а дети... спят.

А что он мог еще сказать?!

– Дети... спят. Я скажу им... что ты... приходила.

Движение головы – «нет».

Он поднялся. Сделал шаг. И еще шаг, и еще; ему казалось, что стоит протянуть руку – и пальцы ощутят ткань ее сорочки. И тепло ее кожи. И прикосновение волос.

И все вернется.

Он забыл о чистом костре. Он забыл и о ведьме – бездумно тянулся и тянулся, и шагал в темноту, вслед за той, под чьими ногами не колыхались травинки. Она отступала, будто маня за собой, смущенно улыбаясь, прикладывая к губам тоненький бесплотный палец.

– Пого...ди...

Ее лицо вдруг переменялось. В матовых глазах стоял теперь ужас; она смотрела ему за спину.

Он обернулся.

Там, где плескался среди темноты сильный еще костер, стоял теперь лесной Чугайстер.

Лесной человек, хранящий людей от нявок. Пришедший затем только, чтобы пожрать эту женщину, нявку, навь.

И пусть белая женщина уже растворилась во мраке леса – человек знал, как просто Чугайству догнать ее. Догнать мгновение спустя.

И он шагнул вперед, сжимая белыми пальцами бесполезную сейчас бартку. Что за дело лесному Чугайстру до изящного топорика, до его острого лезвия... Люди знают лишь один способ остановить Чугайстра. Ненадолго...

И человек шагнул снова, развел руки приглашающим широким жестом:

– Потанцуем? Потанцуем, дядьку?

Лесное порождение молчало, и на широком лице, заросшем кольцеватой шерстью, человек прочитал насмешку. Слишком близко нявка, слишком близко добыча, Чугайстер не прерывает свою охоту даже ради любимой забавы...

– Потанцуем?! – человек залихватски присел, и бартка в его руках завертелась широким сверкающим кругом.

– Зачем ты стоишь у меня на пути? – спросил Чугайстер. Голос его был как скрип старой ели.

Человек остановился, едва не выронив топорик.

– Нявка несет тебе смерть, – черные собачьи губы Чугайстра растянулись в ухмылке. – И все же ты не хочешь, чтобы я убил ее?

Человек молчал. Чугайстер качнулся вперед:

– Пусть ты одолеешь ведьму – но навь тебе не одолеть никогда, потому что нава – это отчасти ты сам... Ты не боишься жить – и все же не хочешь, чтобы я убил твою наву?..

Человек молчал.

– Хорошо же, – сказал Чугайстер, и от голоса его тяжелые ели испуганно вздрогнули. – Пусть твоя нявка заведет тебя в туман над обрывом.

Чугайстер ушел.

Еловые ветви на его пути не качались.

Глава первая

...Впервые за много дней Ивга позволила себе расслабиться.

Человек, все эти дни настороженно ее изучавший, наконец успокоился и даже расцвел. Какая-то ее шутка заставила его хохотать до слез и, отсмеявшись, он потребовал, чтобы невестка перестала величать его «профессором Митецем», а звала как подобает – папа-свекор; Ивга расцвела в ответ и отправилась разводить костер посреди лужайки для пикников.

– ...Чтобы сердушко хотело, а все прочее могло! – профессор оказался прямо-таки прирожденным балагуром. – Где двое, там и вскоре и третий, а где трое, там и пятеро, выпьем же, ребятки, и пусть нас в мире будет больше!..

Красное закатное солнце дробилось в высоких окнах ее будущего дома. Дома под красной крышей, где на фасаде – балкон, увитый виноградом и оттого похожий на этикетку ста-рого вина. Подрагивал в высоте медный флюгер, и Назар топал через двор, неся под мышкой корзинку со снедью и постоянно что-то роняя – то полотенце, то ворох салфеток, то верткую картофелину.

Потом папа-свекор настроил мандолину; в репертуаре этого серьезного и уважаемого человека во множестве водились игривые, а подчас и фривольные песни. От хохота Ивга дважды уронила бутерброд в костер; папа-свекор поблескивал глазами и шпарил такое, отчего даже у Назара на щеках пробивался смущенный румянец.

Потом папа-свекор вдруг прижал струны ладонью, секунду помигал, глядя в костер – и завел совсем другим голосом, что-то напевное и с длинным сюжетом, где морячка махала платочком с берега, а из моря ее окликала русалка с круглым зеркальцем в руке и гребнем в зеленых волосах, и обе они желали заполучить себе красавца-капитана.

Назар улегся в траву, и голова его оказалась на Ивгиных коленях. Папа-свекор невозмущимо откупорил следующую бутылку, одним глотком отхлебнул полбокала и запел студенческую лирическую; Ивге захотелось подпеть. Не зная ни слов, ни мелодии, она по-рыбы открывала и закрывала рот, когда в нежную мелодию вмешался шум далекого мотора.

– Кто-то едет, – сонно сообщил Назар.

Ивга напряглась. Она не любила ни новостей, ни перемен, ни незваных гостей, ни даже веселых сюрпризов. Тем более сейчас, когда она разомлела, расплавилась в своем счастье, будто шоколад в ладони, когда у нее нет сил, чтобы защищать свое хрупкое внутреннее равновесие. Новый визитер – агрессор, непрошено вторгающийся в ее мир, где наконец-то, после стольких мытарств, наступили покой и порядок...

Очень хрупкий покой. Вот – далекий шум мотора, и покоя как не бывало.

Назар с сожалением убрал свою голову с ее колен. Поднялся; радостно ухмыльнулся профессору:

– Па, а у Клавдия новая машина? Зелененький такой «граф» с антеннкой, да?

Папа-свекор сразу же отставил мандолину:

– Клав?! Елки-палки... Ну, дети мои, будем веселиться до утра...

Ивга молчала. Нехорошо, если они заметят ее разочарование. По-видимому, приехал старый друг; по-видимому, его приезду следует радоваться. В конце концов, явление нехорошего, несимпатичного человека вряд ли привело бы папу-свекра в такой восторг. И Назар не стал бы ерничать у ворот, козырять сидящему за рулем наподобие дорожного гвардейца и кататься, как маленький, на железной отползающей створке...

Папа-свекор взял мандолину наперевес:

– А вот сейчас, Рыжая, я тебя с выдающейся личностью... Рыжая, что с тобой?!

Зеленая машина неторопливо въехала во двор. Аккуратно и вежливо, будто живое и воспитанное существо – но фары, прикрытые щитками, показали Ивге мутными глазами

чудовища. Кусок бутерброда встал у нее в горле – ни проглотить, ни выплюнуть; из закоулков ее тела поднимались тошнота и муть. Она помнила это ощущение – но тогда, в первый раз, оно было неизмеримо слабее. Теперь же...

– Ивга, что с тобой?!

Назар уже тряс руку того, кто вышел из машины; Ивга видела только спину пришельца, обтянутую светлой рубашкой. Черноволосый ухоженный затылок, гладкий, волосок к волоску...

– Ивга, да что ты?..

– Замутило, – выдавила она с трудом. – Папа-свекор, извините, мне бы в дом... Прилечь...

Прямо перед ней оказались его встревоженные, подозрительные и одновременно радостные глаза:

– Рыжая?! Ты, что ли?.. Дедом я буду, нет?..

Назар уже вел прибывшего к костру; теперь Ивга могла рассмотреть смеющееся лицо неожиданного гостя. Совершенно незнакомое. Нет, не его она видела в тот раз, нет...

Почуввав неладное, Назар перестал улыбаться и в два прыжка оказался рядом. От прикосновения его рук сделалось легче – впрочем, ненадолго.

– Извините, – она вымучено растянула губы, стараясь смотреть мимо гостя.

А гость все еще улыбался. Кажется, сочувственно.

Назар взял ее на руки. Прижал к себе крепко, будто котенка; понес к дому, ошарашено заглядывая в лицо:

– Ну, Рыжая... Или ты съела чего-нибудь, или... Ну, Рыжая... Слушай, а врача не надо?..

Она улыбнулась так успокаивающе, как только могла.

Он внес ее на крыльцо. Не взирая на протесты, втащил на второй этаж – легко, только ступеньки жалобно скрипнули; коленом открыл дверь в ее комнату, уложил на кровать и уселся рядом, не выпуская ее руки.

– Стыдно, неудобно... – она прикусила губу.

Назар мотнул головой, стряхивая со лба жесткую челку. Ободряюще улыбнулся:

– Не бери в голову... Клавдий – свой человек...

Ивга вздохнула – глубоко, так, чтобы воздух дошел до самых пяток. Тошнота уходила, но лихорадочная дрожь оставалась. Бедный Назар; какая неожиданная получилась ложь. И как он искренне обрадовался... Она, выходит, зря морочила себе голову, и все эти слезы в подушку были тоже напрасно. Назар...

Она испытала прилив нежности, такой, что пришлось отвернуться и спрятать лицо в подушке. Нежность – и стыд. Потому что она невольно обманула, потому что причина ее сегодняшнего недомогания не имеет ничего общего с радостным ожиданием потомства...

– Рыжая, а?..

Она провела пальцем по синей жилке на его твердой мускулистой руке:

– Неудобно. Пойди к ним, скажи... Я сейчас оклемаюсь.

Он сглотнул. Снова спросить не решился; погладил ее по щеке. Встал, отошел к двери; вернулся снова. Поцеловал ее в макушку. Сорвался с места, беззвучно подпрыгнул до потолка и качнул тяжелую люстру, так что звякнули гроздья подвесок.

– Пацан... – Ивга через силу улыбнулась. – Послушай... А Клавдий – кто?

Он поднял брови:

– В смысле?

Она молчала, не умея сформулировать свой вопрос.

– Клавдий, – Назар почесал за ухом. – Замечательный мужик, папин старый друг... Ну, еще он Великий Инквизитор города Вижны. Вот и все.

– Ага, – Ивга прикрыла глаза. – Иди...

Деревянная лестница снова вскрикнула – потому что Назар прыгал через две ступеньки. Ивга лежала, глядя на тени на потолке, и прохладная постель жгла, будто сковородка.

* * *

Оба молчали, и достаточно долго. В словах не было нужды; оба безмолвно наслаждались летним вечером, дымом костра и обществом друг друга. Гость лениво щурился, и огонек возле его губ неспешно пожирал тонкое тельце дорогой сигареты; хозяин вертел над огнем кусочек ветчины на острой палочке.

Потом из дому вышел Назар. Виногато улыбнулся, подошел к костру:

– Клавдий, вот так получилось... А я хотел вас познакомить.

Тот, кого звали Клавдием, понимающе прикрыл глаза.

– Что ж ты ее бросил? – сварливо спросил профессор социологии Юлиан Митец. – Оставил одну?

Назар заволновался:

– Я, собственно, только Клавдию хотел, ну, она прощения просила...

Гость нетерпеливо махнул рукой – понял, мол, не болтай чепухи. Назар еще раз виногато улыбнулся и поспешил обратно; двое мужчин у костра проводили его взглядом.

– Ты помнишь? – негромко спросил профессор Митец. – Относительно Назара. Я опасался...

Тот, кого звали Клавдием, кивнул:

– Ага... Он у тебя все никак не вырослел.

Профессор Митец торжествующе улыбнулся:

– Что делают с нами женщины, Клав!.. Выпьешь?

Гость загадочно улыбнулся и вытащил из внутреннего кармана небольшую бутылку, плоскую, как камбала:

– А я вот вчера только из Эгре, столицы, понимаешь, виноделия... И там мне всучили такую вот взятку. Завидно?..

– Не может быть! – воскликнул профессор с театральным изумлением. – Но как кстати, Клав, удивительно кстати!..

Оба знали толк в вине, а профессор еще и пил с видом знатока тщательно и сосредоточенно, как заправский дегустатор. Гость удовлетворенно усмехался.

– А у меня будут внуки, – сообщил, наконец, профессор Митец, любуясь рубиновой жидкостью на дне. – Полным-полно, целый дом внуков... Я так и думал, что ты опять мотаешься по провинциям. Я звонил.

– Труды, – неопределенно отозвался гость. – Праведные труды на благо... или во благо. У тебя будет красивая сноха, Юль. Когда свадьба?

Профессор, довольный, кивнул:

– Думаю, где-то в октябре.

– Вы еще не назначили? – удивился гость.

Профессор развел руками:

– Не смейся, я всего неделю как... Как Назар меня познакомил. И ведь еще боялся, что рассержусь...

– Но ты не рассердился, – кивнул тот, кого звали Клавдием. – И правильно сделал.

Профессор поднял с травы свою мандолину. Глядя, как он заботливо подтягивает струны, гость выудил из узкой золотистой пачки новую обреченную сигарету.

– Юлек...

Профессор отчего-то вздрогнул. Оторвался от своего занятия, удивленно уставился на гостя:

– А?..

Тот, кого звали Клавдием, извлек из догорающего костра ветку с угольком на конце:

– Юлек... Вот пес, не знаю, как и сказать.

– Ведьм своих по подвалам пугай, – пробормотал внезапно помрачневший профессор. – Меня не надо... Ну?

Гость закурил. Глубоко затянулся, не сводя с приятеля прищуренных, чуть воспаленных глаз:

– Ты, конечно же, знаешь, что она ведьма?

– Кто? – глупо спросил профессор.

– Твоя сноха, – гость затянулся снова. – Будущая сноха... Как ее, кстати, зовут?

– Ивга, – механически ответил профессор. Потом вдруг резко поднялся со своего чурбачка. – Что?!

– Ивга, – раздумчиво повторил тот, кого звали Клавдием.

– Ты соображаешь, что говоришь? – глухо поинтересовался профессор. Его собеседник кивнул:

– Юлек... За двадцать пять лет этой каторжной работы... Я определяю *их* даже по паршивым черно-белым фотографиям. И, что самое печальное, *они* меня тоже чувствуют... Им от меня дурно. Вашей Ивге стало плохо не потому, что она беременна, а потому, что рядомшком оказался злобный я.

Профессор сел. Подобрал брошенную мандолину.

– Плохо, что ты не знал, – сообщил тот, кого звали Клавдием. – Я рассчитывал, что... Но это простительно, Юль. Они, особенно молодые, особенно те, что из глухой провинции... Очень боятся. Может быть, Назару она сказала?

– Помолчи, – пробормотал профессор, методично подтягивая и подтягивая струну. – О, зараза!..

Вывернутый колок от мандолины оказался у него в руках. И сразу же после этого – в костре; потревоженные угли вспыхнули ярче – и успокоились снова.

Его собеседник выждал паузу. Вздыхнул:

– Собственно, ничего страшного не случилось. Я сто раз видел счастливые семьи, в которых жена была – ведьма. Ты знаешь, сколько в одной только столице легальных *их*? Тех, что мы попросту держим на учете?

Оборванная струна на мандолине профессора Митеца свернулась спиралью, будто виноградный ус.

– Юлек...

– Замолчи.

Из дому вышел Назар. Слегка сбитый с толку, даже огорченный:

– Она сказала, что поспит... Но ей вроде бы лучше... Папа?!

Профессор отвернулся:

– Будь добр... будь добр, пойдешь и свари нам кофе.

Парень не двинулся с места. Когда он нервничал, ресницы его часто моргали – почти как у куклы, которую мелко трясут. Нервный тик.

– Папа...

– Назар.

Гость неожиданно усмехнулся:

– Все в порядке, Назарушка. Иди...

Оба напряженно молчали, пока за парнем не закрылась дверь кухни. И потом промолчали еще несколько долгих тягостных минут.

– Юлек, – медленно проговорил гость. – Ты разумный парень... всегда был. А теперь, вот зараза, я начинаю думать, что лучше бы мне этот маленький факт – сокрыть. Чтобы когда-нибудь потом, в спокойной обстановке...

– Ты соображаешь?..

Профессор отшвырнул от себя мандолину. Так, что она жалобно бренькнула, угодив на камушек в траве. Гость неодобрительно пожал плечами – но на этот раз промолчал.

– Ты... – профессор перевел дыхание. – Ведьма... В моем доме... С моим сыном... Тайно... Как гадко. Какая гадость, Клав...

Он поднялся, сунув руки глубоко в карманы; голос его обрел требовательные нотки:

– Я прошу тебя, Клавдий, поговорить с Назаром прямо сейчас. Я не желаю... Ни минуты...

– Юль? – тот, кого звали Клавдием, удивленно поднял брови. – А что я, по-твоему, могу сказать Назару? В конце концов, если он ее любит...

– Любит?!

Некоторое время профессор кружил вокруг костра, не находя слов. Потом уселся на место – и по выражению его лица гость понял, что на Юлиан Митец наконец-то взял себя в руки, надежно и крепко.

– Я так понимаю, – бесцветным голосом начал профессор, – что ты по долгу службы должен ее забрать? Для учета и контроля?

– По долгу службы, – гость в задумчивости закурил третью сигарету, – этим занимаются несколько другие люди. Вот распорядиться, чтобы ее забрали – это я, в самом деле...

– Попрошу тебя – только не в моем доме, – уронил профессор все так же бесцветно и глухо. – Я не хотел бы...

– Да нет никакой необходимости ее брать! – его собеседник сощелкнул с элегантных серых брюк черную снежинку копоты. – Она сама придет куда надо, и, уверяю тебя, ни один сосед...

– Мне начхать на соседей.

Лицо профессора налилось желчью. Всякий, кто час назад был свидетелем праздника с песнопениями, поразился бы случившейся с Митецем перемене.

– Мне начхать на соседей. А вот на сына мне не начхать; инициирована ведьма либо нет... Ты смотришь на все это глазами, зараза, специалиста, а я... – профессор осекся. Перевел дыхание, поднялся, намереваясь идти в дом.

– На месте твоего сына я бы ослушался, – негромко сказал ему в спину тот, кого звали Клавдием.

* * *

Назар явился через полчаса; о человеке, пережившем потрясение, принято говорить, что он внезапно постарел. С Назаром случилось обратное – молодой мужчина, который не так давно на руках внес в дом свою будущую жену, теперь казался испуганным и смертельно обиженным мальчиком:

– Клавдий?..

За время, проведенное в одиночестве, друг семьи успел прикончить пачку своих замечательных сигарет и теперь смотрел, как изящная картонная коробочка догорает в костре.

– Назарушка, она бы тебе сама сказала. Не сегодня-завтра... Но не посвятить твоего отца я не мог. Это было бы, м-м-м... некрасиво с моей стороны. Непорядочно. Да?

Назар шумно сглотнул:

– А может так быть, что она и сама не знает? Вдруг?..

Некоторое время Клавдий раздумывал, а не соврать ли. Потом вздохнул и покачал головой:

– Увы. *Они* всегда и все про себя знают.

– Она мне врала, – сказал Назар глухо.

Клавдий удрученно пожал плечами.

* * *

Ивга не спала – лежала, натянув на голову одеяло, уткнувшись носом в подтянутые колени и воображая себя улиткой. В домике, в раковине, уютно и тепло, все, что за стенками раковины, безразлично и безопасно...

Потом у нее кончилось воображение, а вечер все не кончался; кто-то ходил по дому, кто-то вполголоса переговаривался, потом ей послышался звук заводимого мотора.

В какой-то момент она почти поверила, что кошмар закончился и все обошлось, что Великий Инквизитор сейчас уедет и все останется по-старому...

В этот самый момент и пришел Назар. Не зажигая света, молча остановился в полумраке, у самой двери; Ивга напряглась, но первой вступить в разговор у нее не хватило смелости.

– Как ты? – спросил Назар, и она поняла, что он уже все знает. – Как ты себя чувствуешь?

Как я себя чувствую, спросила себя Ивга. Как вошь в парикмахерской – легкий дискомфорт...

Назар молчал; под его взглядом лежащая в темноте Ивга действительно ощутила себя вошью в пышной шевелюре – мелкая тварь, обманом проникшая в этот прекрасный и прекрасный мир.

– Ну, спокойной ночи, – сказал Назар деревянным голосом и прикрыл за собой дверь.

Несколько минут Ивга лежала неподвижно, вцепившись зубами в собственную руку. Потом вскочила, включила торшер и судорожно принялась собирать вещи.

Лихорадочная работа помогла ей на короткое время освободить себя от мыслей; она потрошила шкаф и выворачивала тумбу, а тряпок обнаружилось неожиданно много, а старенькая дорожная сумка, Ивгина спутница в странствиях, оказалась маленькой и невместительной.

Она отвыкла от такой жизни. Когда все имущество – в потертой спортивной сумке. Ох, как она отвыкла, расслабилась, разомлела...

Осознание потери проткнуло ее, будто ржавой иглой, она опустила руки, села на пол и закусила губу, чтобы не разреветься. Потом, потом, все слезы – потом...

Она все-таки расплакалась бы, если бы не другая мысль, положившая ледяную лапу на вздрагивающее плечо: Инквизиция. Не та провинциальная, от которой она много раз уворачивалась; настоящая Инквизиция, Великая Инквизиция, разъезжающая в «графах», шикарных машинах цвета сочной жабы...

Ивга погасила торшер, едва не оборвав шнурок-выключатель. Неслышно подошла к окну; дивный летний вечер благополучно сменялся дивной же ночью, звездной, сверчливой и совершенно безмятежной. Вчера в это же самое время они с Назаром...

Ивга шлепнула себя по лицу. Удар оборвал мысль, и острая внутренняя боль сменилась болью простой и вульгарной; Ивга видела в темноте достаточно плохо, но все же лучше, чем любой другой человек...

Если он не ведьма или не инквизитор.

Ее сумка вздулась, как коровий труп. Как тот, что она видела в детстве у дороги, и впечатлений хватило надолго...

Она прерывисто вздохнула.

Большую часть Назаровых подарков пришлось безжалостно выкинуть. Она избавилась бы от них полностью, но теплая серая куртка еще ох как пригодится, если зарядят дожди, а в новых кроссовках так удобно идти по пыльной дороге – с утра и до вечера...

Потом среди вещей она наткнулась на белую рубашку Назара – и две долгих минуты сидела, прижавшись лицом к пустому безвольному рукаву. Воротник пропитан был Назаровым запахом – она чувала запахи не очень хорошо, но все же лучше, чем любой другой человек...

Если он не ведьма... Или не инквизитор...

Ей остро захотелось хоть что-нибудь взять на память. И написать для Назара хоть слово, хоть букву... Невыносимо, если он будет думать о ней...

...так, как она того заслужила.

Открыв дверцу шкафа, она долго глядела в ясное, но запылившееся зеркало. Рыжая, с провинциально круглыми щеками и наивными веснушками на все лицо, с чуть вздернутым носом, с по-детски пухлыми губами... и взглядом матерой, но очень усталой и очень несчастной лисицы.

Сезон охоты открыт...

Слово «инквизиция» подхлестывало, как кнут. Неслышно ступая в полной темноте, Ивга шире отворила окно, забросила за плечо сумку и легко перемахнула через подоконник.

Второй этаж ее бывшего будущего дома сошел бы и за невысокий третий; некоторое время они сидела в траве, ожидая, пока утихнет боль в ушибленных ногах. В комнате Назара было темно; в буфетной горел свет. Чем сейчас занимается бывший папа-свекор? Можно вообразить, какое лицо у него было, когда...

На этот раз она не стала бить себя – шлепок может донестись до чужого уха. Она свирепо ушибнула себя за ляжку – и ненужная мысль оборвалась. Вот как просто, только синяк будет лиловый и противный. Хорошо хоть, Назар его не увидит...

Она сорвалась с места. Замерла за углом, там, куда не достигал свет фонаря; ветка яблони с крохотными недорослями-яблочками жалобно поскребывала кирпичную стену. И тень от нее падала изломанная, жалкая...

Задержав дыхание, Ивга осторожно выглянула; калитка запирается на простой крючок, и у калитки в этот поздний час не было ни души – и все же сердце ее стукнуло обреченно и глухо.

Машина. Зеленый «граф» стоял все там же, где подбежал к его дверце веселый Назар...

Что такое, ведь она слышала шум мотора?! Может быть, это папа-свекор вывел из гаража свою...

– Ивга.

Рядом. За спиной. Муторные, липкие мурашки; как она не почувствовала приближения?..

– Не волнуйся... Я не собираюсь тебя трогать.

– Вы меня уже тронули, – сказала она шепотом, не оборачиваясь. Хотя могла бы и не дерзить.

– Извини, – сказал Великий Инквизитор города Вижны. И, кажется, сделал шаг вперед, потому что Ивга мгновенно ощутила и тошноту, и слабость – правда, в каком-то щадящем, придавленном варианте. Вероятно, он умеет *этим* управлять.

– Я хочу уйти, – сказала она, прижимаясь спиной к стене – как раз под жалобной яблонево́й веткой. – Можно?

– Можно, – неожиданно легко согласился инквизитор. – Но я бы на твоём месте дождался утра. Как-то это... мелко́вато. Смахивает на бегство. Да?

– Да, – она кивнула, прижимая свою сумку к груди. – Что вы будете со мной делать?

– Лично я – ничего, – в голосе инквизитора ей померещилась укоризна. – Но если ты в течение недели не станешь на учет – тебя могут наказать. Общественными работами в компании подобных тебе, неиницированных, но в большинстве своем обозлившихся и несимпатичных. Зачем?..

– Вам-то что, – сказала она в стену. Тошнота подбиралась все выше – еще чуть-чуть, и разговор с инквизитором прервется самым непотребным образом.

– Куда ты пойдешь? Темной ночью, на шоссе?

Она дышала часто и глубоко. Ртом.

– Если... – каждое слово давалось с усилием. – Вы... предложите подвезти меня до города... то я откажусь.

– Зря, – констатировал инквизитор. – Но – дело твое... Иди.

Она забросила сумку на спину; тень ее походила на старого больного верблюда.

– Ивга.

Она подавила в себе желание обернуться; в ее опущенную руку скользнул жесткий картонный прямоугольник:

– Если возникнет надобность... А она-таки возникнет. Не побрезгуй, возьми и позвони. В конце концов, я Назара... помню вроде как с пеленок. Я к нему в какой-то степени привязан... Я смогу тебе помочь ради него. Не будем делать глупостей, да?

– Да, – сказала она хрипло.

Миновала калитку – калитку ее бывшего будущего дома!.. Прошла мимо дома соседей; на втором этаже из-за тонкой шторы интимно проглядывал ночник, и о чем-то вполголоса бормотал магнитофон. Вероятно, о вечной и верной любви.

Ивга подавила в себе очередной всплеск отчаяния; остановилась под фонарем, с усилием разжала намертво стиснутую, мокрую ладонь.

«Великий Инквизитор Клавдий Старж, Вижна. Дворец Инквизиции, приемная, телефоны... Домашний адрес: площадь Победного Штурма восемь, квартира четыре... Телефон...»

Ивга сглотнула; с трудом скомкала немнущийся картон и засунула в щель между фонарным столбом и чьим-то вычурным забором.

На ладони остался красный прямоугольник воспаленной кожи. Будто от ожога.

* * *

Рейсовый автобус посетил ее на рассвете, когда она уже перестала ждать.

Продремав несколько часов на остановке, на жестком сидении пустого павильончика, она проснулась от холода и сплясала на влажном шоссе некое подобие зажигательной мамбы; жаль, что Назар не был свидетелем этой пляски отчаяния. Прыгая на скользкой дороге, Ивга молча высказала миру свое нелестное о нем мнение.

Так случилось, что она обессилела и согрелась одновременно; в этот самый момент судьба милостиво потрепала ее по щеке: из-за далекого поворота выглянул автобус, красный, как осенняя рябина.

В салоне было тепло, даже душно; по узкому коридору между мягких спинок и дремлющих людей Ивга пробралась в самый конец автобуса и уселась на пустующее сидение рядом с унылой женщиной, чье лицо до глаз утопало в отвороте теплого свитера.

Пожилой пассажир в кресле напротив шелестел газетой; заголовки были все какие-то безликие, бесформенные, ватные, Ивге бросилась в глаза одна только фраза: «И поскольку агрессивность любой ведьмы с годами нарастает...»

Пожилой пассажир перевернул газету, не позволяя Ивге приглядеться.

Женщина, сидевшая рядом, казалась крайне изможденной и, скорее всего, нездоровой; над широким воротом свитера смутно белел бескровный лоб, под редкими бровями устало мигали тусклые отрешенные глаза. Другим соседом Ивги был сладко дремлющий парень в куцей рыбацкой курточке, и огромные мосластые руки до половины вываливались из слишком коротких рукавов. Вот и все; Ивга закрыла глаза.

Ей тут же привиделось, что она спит на кровати Назара в его тесной городской квартирке; над демонстративно бедным и несколько безалаберным студенческим жилищем плывет, раздувая паруса, роскошный абажур в виде пиратского судна – Назар неделю любовался им в витрине антикварной лавки, а когда, наконец, явился покупать, за прилавком обнаружилась огненно-рыжая девушка с простоватым лицом и глазами веселой лисицы...

Ивга улыбалась во сне. Рука ее, вцепившаяся в подлокотник кресла, пребывала сейчас на жестком плече спящего Назара; парусник светился изнутри, и потому на всех предметах в этой тесной комнатке лежали причудливые тени. Мягко покачивалась палуба...

Потом дрогнула и замерла; чем так просыпаться, лучше вообще никогда не смыкать глаз. Автобус стоял... и в тишине салона было что-то неестественное.

– Уважаемые пассажиры, служба «Чугайстер» приносит извинения за небольшое неудобство...

Ивга открыла глаза. Мосластый парень тоже проснулся и испуганно вытаращился на стоящих в проходе.

Их было трое, и им было тесно. Тот, что скороговоркой произносил давно заученную фразу, был жилист и сухощав; двух других Ивга не рассмотрела. На всех троих поверх облегчающего черного костюма была небрежно накинута свободная жилетка из искусственного меха; у каждого на шее болталась на цепочке серебряная пластинка-удостоверение.

В салоне молчали. Ивга, внутренне сжавшись, опустила голову.

– Плановый досмотр, – вполголоса продолжал сухощавый. – Попрошу всех оставаться на своих местах... Лиц женского пола попрошу смотреть мне в глаза.

Ивга втянула голову в плечи.

Пластиковая дорожка на полу чуть поскрипывала под мягкими шагами сухощавого; двое его сотрудников следовали за ним на расстоянии метра. Что-то возмущенно сказала дородная женщина в первых рядах – чугайстры не удостоили ее ответом. Ивга слышала, как расслабляются, даже шутят те пассажиры, что остались у троицы за спиной; соседка Ивги, та, что в теплом свитере, утонула в воротнике по самую макушку.

Сухощавый остановился перед Ивгой. Ивга через силу подняла глаза – будто решаясь на тягостную, но необходимую медицинскую процедуру. Поймав ее затравленный взгляд, чугайстер хищно подался вперед, его глаза ухватили Ивгу и поволокли в невидимую, но ясно ощущаемую пропасть – но на полпути разочаровано бросили, будто мешок с тряпьем.

– Ведьма, – сказали губы сухощавого. Вернее, собирались сказать, потому что в ту же секунду тесное пространство салона прорезал крик.

Та, что сидела рядом с Ивгой, женщина в теплом свитере, кричала, и ее голос ввинчивался в уши, нанизывая на себя, как на вертел. Отшатнувшись в сторону, Ивга почти упала на мосластого парня.

Бескровное лицо, наконец-то вынырнувшее из серого воротника, было перекошено ужасом; изможденные руки, которыми женщина пыталась заслониться, казались когтистыми птичьими лапами:

– Н-нет... Не...

Двое, выступившие из-за спины сухощавого, уже тащили упирающуюся женщину к выходу; вслед за ними по обмершему, парализованному криком автобусу полз шепоток: нявка... нава... навь... нявка...

Сухощавый помедлил. Снова искоса взглянул на Ивгу; провел пальцем по губе, словно стирая прилипшую крошку. Постоял, будто раздумывая – и двинулся к выходу. Нявка... здесь... в автобусе... нявка, – бормотали возбужденные, слегка охрипшие голоса.

В двери чугайстер обернулся:

– Наша служба благодарит вас за искреннее содействие, проявленное при задержании особо опасного существа, именуемого навью. Счастливого пути...

Не желая смотреть, Ивга все же повернула голову и взглянула в окно.

Та, что еще недавно сидела с ней рядом, все еще кричала, только крик стал глуше, и толстое автобусное стекло смогло почти полностью его поглотить. Нявка стояла на коленях, на обочине, и неестественно огромные глаза были подернуты пеленой ужаса. Широко разевался рот; Ивге казалось, что она слышит, как вместе с криком вылетают слова бессвязной мольбы.

Сухощавый и двое его сотрудников неторопливо окружили нявку, сделав ее центром равноilateralного треугольника; их выброшенные в стороны руки на мгновение соприкоснулись – будто чугайстры собрались завести вокруг своей жертвы хоровод. Нявка закричала с новой силой – в этот момент автобус тронулся.

За окном плыли деревья и отдаленные покатые крыши; через несколько минут Ивга поняла, что сидит, навалившись всем телом на мосластого парня, и тот не решается ее отстранить.

В автобусе говорили все разом; плакал ребенок. Кто-то громогласный изливал свои впечатления грязной, площадной бранью, кто-то хихикал, кто-то весело смеялся; большинство возмущались. Что нявок стало слишком много. Что служба «Чугайстер» ловит их слишком медленно. Что отлов нявок в общественных местах безнравственен, все равно что отстрел бродячих собак на детской площадке. Что власти бездействуют, налоги идут в никуда, и город вот-вот захлебнется в нечисти: нявки, да вот еще ведьмы...

– Простите, – сказала Ивга мосластому парню. Парень глупо улыбнулся.

Кресло справа от Ивги пустовало; над ним на багажной полке покачивался аккуратный полиэтиленовый пакет. Его хозяйки сейчас наверняка нет в живых.

Впрочем, ее нет в живых уже достаточно давно. Нявку нельзя убить – она и без того мертва; нявку можно лишь выпотрошить, уничтожить, и чугайстры знают в этом толк...

Ивга видела. Однажды. Чугайстры не смущаются ничьим присутствием и не боятся никаких свидетелей; в их откровенности есть что-то непристойное. Обычно они не уводят жертву дальше, чем за угол соседнего дома; прямо на улице, прямо во дворе они справляют ритуал, который уместнее было бы проводить в безлюдном подземелье. Даже дети становятся иногда свидетелями танца чугайстров – а ночью мочат простыни, доставляя родителям множество тревог и неприятностей; чугайстры убивают нявку, танцуя. Танец опутывает их жертву невидимыми сетями, душит и опустошает; нявку после дематериализации Ивга тоже видела. Вернее, могла бы увидеть – но испугалась, не стала смотреть...

Под самым окном проплыли согбенные плечи спешащего по своим делам велосипедиста. Ивга сглотнула; по сравнению с чугайстрами инквизиция представляется почти что Дед Морозом. Добреньким таким старичком, который сперва раздает подарки паинькам, а потом в освободившийся мешок сует прочих, непослушных...

Мосластый парень, возмивший, вероятно, что, подержав Ивгу на своих коленях, приобрел на нее некоторые права, вдруг разудало подмигнул. Ивга с отвращением отвернулась.

* * *

Клавдий никогда не гонял машину. Даже теперь, на пустынной загородной трассе, он не летел сломя голову, как требовали того нерастраченные силы «графа». Он просто ехал – неторопливо, хоть и не слишком медленно; в дороге следовало отдыхать, а не развлекаться. Острых ощущений Великому Инквизитору хватит и без гонок, а в последнее время даже с избытком...

Он привык доверять своей интуиции. Если неприятное, но рядовое, в общем-то, событие отзывается смутной тревогой, которой давно пора бы рассеяться, а она все не проходит – значит, надо попытаться эту тревогу осознать. Откуда?..

Клавдий ехал сквозь реденький утренний туман, и на сидении рядом с ним ехала наполовину пустая пачка тонких дорожных сигарет. Клавдий курил, выставив локоть в окно; сбоку на ветровом стекле лепилась картинка: озорная девчонка на помеле, с развевающимся по ветру хвостиком, с игриво обнаженной ножкой, с обаятельными ямочками на розовых щеках...

Клавдий купил картинку в прошлом году, с лотка. Выбрал среди вороха смеющихся ящериц, крокодилов, роботов, голых фей, бородатых магов; среди покупателей он был единственным взрослым, прочие – мальчишки...

На секунду оторвав взгляд от пустой дороги, он увидел собственное отражение в лобовом стекле. Размытое и бледное, как привидение, с неприятной улыбкой на тонких губах. Предвззсудки...

Кому, как не ему знать о запутанной сети предвззсудков, издавна вьющейся вокруг ведьм. Кому, как не ему, видеть мощные корни всех этих смутных страхов; если бы Юлиан Митец знал о ведьмах то, что по долгу службы знает Великий Инквизитор, он сжег бы Ивгу прямо на лужайке своего дома. На костре для пикников...

Нет, и все-таки. Что за цепь событий застряла в памяти, не желая показываться на поверхность – но и забываться тоже не желая? Откуда ощущение опасности, предчувствие беды?..

Собственно, девчонку не следовало отпускать. Просто неохота было устраивать безобразную сцену насилия на глазах у двух идеалистов – старого и молодого. Стыдно показывать давнему другу профессиональное умение выкручивать руки... Молодой девушке, успевшей сделаться для них не чужой. Почти своей, почти родной...

Он болезненно поморщился, вспомнив, как плакал Назар. Забившись в угол, безутешно и по-детски. И как неуместны оказались жалкие попытки лекции на тему «Ведьма – тоже человек»...

А вот Юлиан – тот определенно обиделся. В конце концов, друг вправе ждать от друга помощи в трудную минуту, помощи, а не отвлеченных рассуждений. И он, Клавдий, мог-таки оказать эту помощь – рассказать Назару несколько случаев из практики, чтобы он, вчерашний влюбленный, явился к костру со своим поленцем...

Дорога повернула; Клавдий притормозил. На обочине стояла машина чугайстров – светлая, с желто-зеленой мигалкой на крыше.

Он утопил в пепельнице догоревшую сигарету и согнал с лица невольно проступившую брезгливость. Двое здоровенных мужиков паковали в пластиковый мешок нечто, недавно бывшее нявкой; третий стоял у дороги и тоже курил. Зеленый «граф» интересовал его не больше, чем на глазах редееющий туман.

Клавдий подавил желание остановиться. В конце концов, служба «Чугайстер» никогда не вмешивалась в дела Инквизиции; кем бы ни была та несчастная, останки которой сейчас

складывают в мешок, прежде всего она была нявкой, ходячим трупом, существом, несущим смерть...

Его передернуло. Машина с мигалкой и люди на обочине давно остались позади, а он курил и курил, и шарил в ящичке, на ощупь разыскивая новую, от себя же припрятанную пачку.

(Дюнка. Июнь)

– ... Не спрашивай, по ком ползет муравей. Он ползет по тебе.

Песок был странного цвета. Ярко-желтые пятна чередовались со светло-серыми, твердая корочка, оставшаяся после реденького вчерашнего дождя, послушно ломалась под босыми ногами, и в ямках-следах хозяйничали муравьи. Смирные, черные, некусачие.

– ...на тот берег?

Дюнка улыбалась.

По-видимому, все это когда-то уже с кем-то случалось. Слишком знакомо подавался под пятками теплый песок. Пахло водой и лозами.

– Как хорошо, – сказал он удивленно. – Слушай, просто здорово, а?

(Его хваленая интуиция молчала, будто глухонемая.)

Дюнка подкалывала волосы. Его всегда удивляло, как можно внятно разговаривать, держа во рту полдесятка шпилек:

– Так поплывем или нет?

На другом берегу стояли сосны. Пять высоких стволов, непонятным образом оказавшихся в царстве верболоза. По устилающей песок хвое перебежками путешествовала большая белка.

– Ты же знаешь, как я плаваю... – он задумчиво почесал кончик носа.

Дюнка хлопнула ресницами. С однокурсниками она умела быть вполне бесцеремонной, однако любая бестактность в отношениях с Клавом повергала ее в панику. Сейчас она, кажется, ухитрилась задеть его самолюбие, потому что до того берега ему явно не доплыть.

– Тогда на бублике покатаемся...

Обладателями «бублика» были трое парней на трех потертых ковриках, с тремя стрелокотными мотоциклами на заднем плане. Парни пили лимонад и лениво перебрасывались какими-то игральными фишками; рядом, у самой воды, лежала и высыхала огромная камера от самосвала – частью серая, как сухой асфальт, частью черная, блестящая, будто тюлень в зверинце. Клав поднял брови – в здравом уме и трезвой памяти просить что-либо, да еще у этих ребят, было ему глубоко противно.

Но Дюнка уже шла по песку, шла напрямик к парням, и Клав увидел с невольной ревностью, как три пары мутных глаз отрываются от фишек, и в них, в глазах, загораются задевающие Клава огоньки. А Дюнка идет, в купальнике цвета змеиной чешуи, идет и несет на голове, будто кувшин, дерзкую высокую прическу...

Клав напрягся. Шутки-шутками, но если эти лбы позволяют себе что-нибудь *такое*... Или что-нибудь, что Клав сочтет *таким*...

Нет, не позволят. С Дюнкой – нет. Она уже говорит о чем-то, указывает на камеру-«бублик», и в голосе ее нет ни смущения, ни вызова, ни развязности, ни страха. Дюнка умеет разговаривать хоть с овцой в загоне, хоть с волком в лесу, хоть с директором лицея господином Федулом. И, кажется, все это не составляет ей труда...

Сложнее всего ей дается общий язык с Клавом. Он патологически боится его обидеть. Она ни капельки не умеет скрыть свою привязанность, а это плохо. Это расслабляет. Женщина должна быть слегка недосыгаемой...

Камера покачивалась на воде, и она перестала быть серой. Черная, как морское чудовище.

– Господин Старж, поднимитесь на палубу! Господин Старж, с нашего корабля уже убежали все крысы, вы можете спокойно лезть на капитанский мостик! Эй, господин Старж, еще секунда промедления, и команда поднимет мятеж! Эй, Клав, повесить на рее, принесите мне бутылку рома, и золото в наших сундуках! Йо-хо-хо, через глаз повязка, догоняй!..

Он всегда с опаской относился к воде, и потому взобрался на камеру раньше, чем ноги его перестали доставать до дна. Вода вокруг кипела – Дюнка била руками, дробя солнечные блики, ныряла, сверкая змеиной чешуей купальника, и у Клава захватывало дух. Дюнка любила говорить о себе, что она – морской змей. Раньше Клав не знал, что змеи бывают такие эротичные.

Он зажмурил глаза. Он понял вдруг, что счастлив. Мгновение острого счастья, которое нельзя удержать, но можно только запомнить. А потом вспоминать долго, долго...

Дюнка почувствовала его настроение. Перестала барахтаться, сосредоточенно вытолкала камеру подальше от пляжа, поближе к стене камыша, где дремал в дырявой лодке колоритный пожилой рыболов.

– Ты знаешь, Клав...

Голос ее казался чуть охрипшим. Не то от прохладной воды, не то от пиратских воплей.

– Знаешь, Клав... А давай поженимся? Завтра, Клав, пойдем и поженимся, вот смеху-то будет!..

– Завтра, – он наставительно поднял палец, – завтра у меня экзамен. Общая история.

– А послезавтра у меня, – огорчилась Дюнка. – когда же мы поженимся? А?

Клав с беспокойством ощутил, что не понимает, шутит Дюнка или нет. Или здесь только доля шутки? Скажем, процентов шестьдесят?..

Он тряхнул головой. Дурацкие экзамены, башка набекрень, самые простые мысли приходится подсчитывать в процентах...

– А рвануть бы в свадебное путешествие, – сказала Дюнка мечтательно. – Куда-нибудь за границу, в дальние страны, за море, где старинные замки...

Тихонько чмокала вода, заключенная в кольцо самосвальной камеры. Клаву казалось, что сквозь это круглое черное окошко он видит дно зеленую поросль со светлыми песчаными проплешинами. И мелькали Дюнкины ноги – длинные, цвета белой черешни.

– А у меня тут иллюминатор, – похвалился он. Дюнка улыбнулась.

В следующую секунду она ушла под воду. Соскользнула, как морской змей. Ноги ее пропали из круглого окошка, камера качнулась – и Клав увидел Дюнкино лицо.

Она заглядывала в иллюминатор снизу, из-под воды. Клав задержал дыхание – подводная Дюнка улыбалась сомкнутым ртом. Как из старинной рамы. Будто из глубины зеркала. И как ей удастся так долго не дышать?!

...Камыши трещали. Самосвальная камера раздвигала их, как ледокол разгребает льды. Пожилой рыболов, кажется, проснулся.

Дюнкины губы были холодными, как рыбки. Она слишком долго сидела в воде, зато Клав, кажется, сжег на солнце белую спину, и завтра на экзамене его будет колотить лихорадка... Плевать.

Он решил пока не говорить ей. Пусть это решение пока останется его личной тайной – она ведь станет волноваться, чего доброго, завалит свою политологию, да ведь придется еще раздобывать позволение на свадьбу. Почему-то семнадцатилетняя девчонка считается для этого дела достаточно взрослой, а вот мужчина, которому на год меньше... Плевать. Он не ощущает себя подростком. Он давно уже во всех отношениях взрослый человек...

Трое парней на пляже волновались – за судьбу камеры, естественно. Клав ожидал упреков – но одной Дюнкиной улыбки оказалось достаточно, чтобы перекрыть нанесенный

моральный ущерб. Шелестели лозы, и ветер успел набросать песка в дремлющие под кустом сандалии.

– Так хорошо, – сказала Дюнка шепотом. – Так хорошо, Клав... Что даже страшно. А? (Его интуиция все еще молчала.)

– Ты оптимистка... Обычно люди пугаются, когда плохо.

– У меня послезавтра экзамен, а я ничего не знаю...

– А у меня завтра. И – аналогично.

– Не ври. Ты всегда все знаешь.

– Льстица. Лстыуха.

– Не ругайся...

– Лстыра. Лстенка... Я хоть учебник почитаю.

– Читай, кто тебе не дает...

– Ты.

Вопили, резвясь у воды, голые загорелые карапузы. Горячий ветер бросал песок на желтые страницы старого учебника, повествующего о предательствах и войнах. Дюнка скупала.

– Слушай, Клав, я искупаюсь, пока ты учишься...

– А не холодно?

– Фи!

Он смотрел, как она идет к воде. Как горит на солнце чешуя морского змея, как расступается, принимая верткое тело, ленивая речная волна...

Ему осталось три больших главы. На час работы.

* * *

Он опомнился, когда тень невысокой вербы доползла до самой книжки. Встрепенулся, будто спросонок, потряс головой, прогоняя отупение. Начитался, да на жаре...

На пляже стало свободнее. Исчезли карапузы, собирались домой дачники, прошествовал мимо пожилой рыболов с парой небольших лещей в проволочной сетке. На дне Дюнкиных босоножек скопилось полно песка. Как в осколках древней амфоры...

Парни, дававшие на прокат резиновый «бублик», сейчас сосредоточенно выпускали из него воздух. По очереди налегая на худеющий черный бок.

Преодолевая боль в затекших мышцах, Клав поднялся.

Цвет песка изменился. Цвет воды изменился тоже; не том берегу, среди сосен, играли в волейбол.

Клав досадливо закусил губу. Естественно, Дюнка поплыла-таки на тот берег, бросив слабосильного дружка в обществе учебника. И странно было бы, если при виде играющих ей не захотелось бы попрыгать с ними вместе. Ее обычная, ее ненормальная общительность...

Он подошел к воде. Прикрыв глаза ладонью, всмотрелся с волейболистов; раз или два ему показалось, что он видит купальник змеиного цвета. Но играющие, среди которых было полно девчонок, были в джинсах и футболках, и только одна сухощавая женщина средних лет прыгала в купальных трусиках и лифчике.

Клав разозлился. Вернулся на подстилку, сел и пододвинул к себе учебник – но читать не получалось.

– Не переживай.

Рядом стоял парень – совладелец самосвальной камеры. Его приятели неторопливо выючили свои мотоциклы.

– Не переживай, девчонке много ли надо, плюнь – и она уже обиделась...

– Да не ссорились мы, – сказал Клав, удивленный, что снисходит до разговора с этим бестактным оболтусом.

– Классная у тебя девчонка, – сказал парень безо всякого подвоха, совершенно искренне. – У меня тоже классная, но эта какая-то... Шальная, что ли...

Через десять минут мотоциклы взревели, и оставшиеся дачники досадливо поморщились им вслед. Клав бродил вдоль воды.

Ну почему она так?! Неужели неясно, что он будет волноваться? Сейчас около семи, но часы, на которые он нечаянно наступил сегодня утром, стали...

«Стали мои часы, стали,
Имя мое забудь, стали,
Золотой цветок в мире стали,
Пробил час, и часы стали...»

Ему почему-то сделалось неприятно. Он не мог вспомнить, где вычитал эти претенциозные строчки. В журнале? В книжке? Или это Дюнка ему рассказала? У нее было такое обыкновение – с таинственным видом выдавать четверостишие и с круглыми глазами ожидать реакции Клава...

Волейболисты на том берегу ушли из-под сосен. Последней шагала сухощавая полуголая женщина, и мяч в ее руках подпрыгивал, как живой.

* * *

Когда стемнело, он решился наконец уйти с пустого пляжа. Дюнкина одежда осталась – взять ее с собой означало *поверить*.

Дюнка придет, говорил себе Клав, Дюнка придет – и не найдет одежды. Как же она будет, в купальнике? Ночью холодно...

Он бежал размеренной спортивной рысью, потом все же выдохся и перешел на шаг. Он только наберет телефонный номер – и сразу же вернется, и Дюнка, отжимающая волосы, возмутится: почему не дождался?!

...В казенной комнате было накурено. Сизый дым висел над деревянными столами, над шкафами и стойками, над клеткой в углу – пустой, мирной клеткой для провинившихся перед обществом людей...

– Еще раз имя – полностью.

– Докия Стерх... Семнадцать лет.

– Вы точно не ссорились?

– Нет. Она... она никогда так не делала. Она...

– Успокойся.

Он закрыл глаза. Двадцать пять раз – успокойся. Здесь все спокойны, здесь каждую ночь рыдают одни люди и грязно ругаются другие, здесь даже сквозь табачный дым пахнет железом и потом, здесь невыносимо душно...

– Третий виженский лицей... Общежитие. Комната семьдесят четыре...

Звонок. Еще звонок. Сквозь стекло не слышно слов. Деловито шевелятся губы.

– Что на ней было надето?

– А?

– Что было надето?

Дюнкины босоножки под слоем песка. Небрежно брошенные на подстилку шорты...

– Успокойся, мальчик. Не такое бывает... К утру придет сама.

...И настало утро.

Глава вторая

Автобус прибыл в Вижну с получасовым опозданием. Добравшись до первой же телефонной будки, Ивга вытащила потрепанный блокнот и надолго замерла, глядя сквозь мутное стекло неподвижными, отрешенными глазами.

В этом городе полным-полно людей. Среди них есть немало таких, для которых словосочетание «Ивга Лис» не окажется пустым звуком. Та же Бета, с которой они на пару снимали комнату... Или Клокус, который пытался за ней ухаживать. Или хозяйка антикварного магазина на площади Роз, строгая и чопорная дама, та самая, что, однажды придержав Назара у двери, тихонько шепнула ему в самое ухо: «Это чудо, а не девушка. Не раздумывайте ни минуты»...

В антикварный магазин без рекомендации обычно не берут. Но Ивга так вписалась в вычурный интерьер, так идеально вписалась, так здорово смотрелась среди претенциозной роскоши ее простецкая физиономия с лисьими глазами и огненной шевелюрой...

«У тебя подходящая фамилия. Ты – лис. Лисица. Лисенок»...

Толстенький мужчина деликатно постучал в мутное стекло:

– Девушка, милая, вы уже поговорили? Позвольте?

Она отошла, пропуская его к телефону. Опустилась на скамейку, сдала в ладонях ремень потертой сумки.

Любой из них... Любой из них. Какое будет лицо у хозяйки, когда она узнает, что в ее магазине полгода работала ведьма? Не сбегутся ли покупатели, чтобы вернуть приобретенный из Ивгиных рук товар?.. Клокус... Даже и Бета, которая выбросит, наверное, ту кепку, что давала Ивге поносить...

Да чего же от них требовать. Если даже Назар...

Костяшки ее пальцев побелели. Собственно, Назар еще ничего не успел сказать ей. Она приписала ему поступок, которого он не совершал... И сбежала, не соизволив даже объясниться... Как обманщица, как воровка...

Толстячок закончил разговор. Ивга вернулась к телефону, чувствуя, как бухает сердце и увлажняются ладони.

Длинный гудок на том конце провода. Еще... Еще...

– Я слушаю.

Голос папы-свекра. Ивга проглотила язык.

– Я слушаю! – уже с раздражением.

Ивга осторожно повесила трубку на рычаг.

Маленькая неудача легко доводит до слез. Осознание краха приходит по капле. Постепенно.

Она спустилась в метро и проехала туда-сюда несколько остановок; мнимая свобода сбивала с толку. Она вольна идти куда вздумается – но дверца узкой клетки уже захлопнулась, она попалась, попалась, как лисенок, и ничего не сможет изменить.

Она не решится предстать ни перед кем из своих знакомых. Так, как если бы слово «ведьма» было выжжено у нее на лбу. Она потеряла не только Назара – она потеряла свою тайну, позволявшую ей счастливо жить в этом счастливом городе... Что за бред, ну какая счастливая жизнь без Назара?..

Нечто похожее уже было. Когда ей пришлось уехать из родного поселка. И когда надо было бросать училище и бежать сломя голову из хорошего, в общем-то, города Ридны. И еще потом, когда...

Ее передернуло. Там, в каше неприятных воспоминаний, был и первый встреченный ею инквизитор. Тошнота и слабость, указующий перст: «Ведьма!»

Ивга вздрогнула и оглянулась. Подземный вагон нес своих пассажиров, изредка покачиваясь, как колыбель; нацеленные на нее указующие пальцы существовали лишь в ее воображении. Люди читали, дремали, беседовали, тупо смотрели в темные окна...

Ну и паскудно же вы выглядите, дамочка, молча сказала Ивга своему бледному отражению. Вам необходимо посетить парикмахера и массажиста, но прежде всего психиатра, моя милая. У вас совершенно безумные глаза... вряд ли сумасшедшую ведьму возьмут на учет. И на общественных работах она ни к чему... ее прямиком отправят на костер, или что у них там... В селе просто, а здесь, наверное, какой-нибудь гуманный электрический костер... Ведьма гриль...

Пребывание в подземелье вдруг сделалось ей тягостным; выбравшись на поверхность, она долго приходила в себя, делая вид, что разглядывает журналы на витрине киоска. Поймала на себе несколько удивленных взглядов и спохватилась – журналы оказались весьма фривольными, с грифом «только для мужчин»...

Она сделала шаг, чтобы отойти – и едва не столкнулась с парнем в облегающем черном костюме, поверх которого была небрежно накинута меховая безрукавка.

Чугайстер скользнул по ней равнодушным, каким-то резиновым взглядом; взгляд тут же вернулся, заинтересованный, и снова безучастно опал, как шланг, из которого вытекла упругая вода. Ивга стояла, не в силах оторвать от асфальта подошвы поношенных серых кроссовок.

Все они так. Сперва кидаются, потом воротят нос; чугайстры чувствуют ведьму, но интересуют их одни только навы. Любой чугайстер видит Ивгу насквозь – но не спешит кричать об этом, вот за что спасибо...

Чугайстер забыл о ней. Неважно, сколько неживых женщин он сделал сегодня еще более мертвыми; сейчас в его руках оказался глянцевого журнала, на обложке которого вопила о жизни тугая розовая плоть. Зовущая плоть, от одного этого зова можно оглохнуть...

Ивга отвернулась и, волоча ноги, побрела прочь.

* * *

Антикварный магазинчик был открыт; Ивга не решилась приблизиться, просто вошла в телефонную будку напротив. Набрала номер хозяйки и сразу дернула за рычаг; потом, стиснув зубы, позвонила Митецам и долго, долго слушала гулкие, торжествующие гудки...

В городской квартире Назара не отвечали тоже. Втянув голову в плечи, Ивга пересекла площадь Роз, добралась до скверика и села, устало вытянув ноги.

– ...Горячие бутерброды?..

Ивга вздрогнула.

Прямо перед ней остановилась низенькая тележка с ярким контейнером, и над приоткрытой крышкой клубился пар. Тележку везла девочка лет четырнадцати; из-под длинной вытянутой кофты выглядывал подол темного платья, похожего на школьную форму.

– Горячие бутерброды, – сообщила девочка голосом, не терпящим возражений. – С томатом и луком... Всего по пять монет.

Ивга позвонила в кармане мелочью. Пришла и ушла равнодушная мысль, что завтра, может быть, у нее совсем не останется денег. Даже на бутерброды...

Девочка почему-то не спешила уходить. Стояла и смотрела, как Ивга жует; может быть, ждала похвал?..

– Отличные бутерброды, – Ивга выдавила приветливую усмешку.

– Ты – та самая лисица, которая решила жить среди кур, – без улыбки заявила вдруг девочка. – И надеешься, что они тебя не узнают.

Ивга молчала. Кусок бутерброда вдруг встал у нее поперек горла.

– Лисицы не едят пшена! – торжествующе заверила ее девочка. – Ты увидишь... потом, – и она деловито взялась за свою тележку. – До свидания...

Рука ее больно ткнула Ивгу в плечо; Ивга поперхнулась – но девочка уже уходила, толкая перед собой тележку с таким скорбно-торжественным видом, как будто это был катафалк на военных похоронах.

* * *

При въезде в город на панели экстренного вызова проснулся и замигал красный, колющий глаза огонек; Клавдий не стал брать трубку, однако предчувствие в его груди болезненно дернулось: ну вот...

На площади Победного Штурма всегда было полно паркующихся машин, вот и на этот раз какой-то юркий белый «максик» загрозил проезд своим широким гофрированным задом, и Клавдию пришлось раздраженно взвыть служебной сиреной.

Поднявшись к себе, он некоторое время задумчиво изучал содержимое холодильника; потом захлопнул дверцу, поставил на огонь чайник и уселся перед телефоном.

– Да погибнет скверна, патрон, – голос заместителя был профессионально хрипл, но Клавдий явственно расслышал в нем нотку искреннего облегчения. – Я искал вас, патрон...

– Да погибнет скверна, Глюр... Ну? – Клавдий прилег на диван, не снимая запыленных туфель.

– Эпидемия, патрон. Случаи чумы в Рянке...

– Случаи – это сколько?

– Десять, патрон...

– Сколько?!

– Десять случаев бубонной чумы, и уже три смертных исхода... Санитарный гарнизон поднят по тревоге, Рянка закрыта... Сообщение уже пролезло в прессу...

– Дальше.

– Самосуд.

Клавдий придержал трубку плечом. На кухне все громче свистел закипающий чайник.

– Где?

– В Рянке паника, патрон... На главной площади. Наши люди прибыли, когда костер уже прогорел.

– Очень жаль, – голос Клавдия сделался бесцветным и сухим. Очень жаль, что наши люди в Рянке так нерасторопны. Погибшая?

– Была ведьмой. Но... глухаркой, неиницированной, патрон. Ее причастность к эпидемии...

– Аресты?

– Пятнадцать человек. Куратор округа Рянка пожелал проявить рвение... Чтобы, так сказать, загладить...

– Куратора округа Рянка вызвать сюда, в Вижну, – медленно проговорил Клавдий. – Преемником назначить... если я правильно помню, в этом округе работает Юриц?

Заместитель помолчал. Сказал осторожно, будто пробуя каждое слово на вкус:

– Вряд ли это понравится Совету Кураторов... Они и так кричат на каждом сходе, что Вижна везде сует своих людей.

Клавдий усмехнулся. Его смешок хорошо слышен был на той стороне провода, и потому заместитель поспешно прикусил язык.

– Всех арестованных, – Клавдий пощелкал золотым зажимом авторучки, – Всех арестованных – доставить в город. Ко мне.

– Да, патрон, – пробормотал заместитель чуть суетливее, чем позволяло его достоинство.

Клавдий помедлил, разглядывая узор виноградных листьев за окном.

Если он предчувствовал только *это* – что ж, ничего... Еще ничего, бывает и хуже...

– Я сейчас приеду – мне понадобится очень подробная информация, Глюр. Вплоть до расположения колодцев округа Рянка... Кстати, почему вы до сих пор не сообщили, что герцог звонил?

Заместитель осекся.

– Патрон... Откуда вы знаете?..

– А как же, – Клавдий ухмыльнулся. – Всякий раз, когда у нас прокол... Вы ведь догадываетесь, Глюр, что все случившееся есть наш большой прокол? Да?

Заместитель сглотнул – так, что было слышно в трубке:

– Да, патрон. Конечно, да.

(Дюнка. Июнь)

...В день похорон Дюнкина сестра отозвала его в сторонку и, не сводя воспаленных ввалившихся глаз, попросила:

– Имей совесть, Клавдий. Ты ведешь себя так, будто Докию любил ты один.

Он осел, будто от удара обухом. И кивнул.

Три дня слиплись в одни бесконечные сутки. Трижды наступала ночь; он отвечал на какие-то вопросы, а за спиной у него переглядывались, переговаривались приятели, однокурсники и вовсе незнакомые люди: «Это тот мальчик, с которым она была в тот день на пляже. Это тот мальчик...»

– Она не могла так просто утонуть! Она плавала, как... Она не могла!..

– Успокойтесь, Старж. На теле нет следов насилия. Ее погубила простая судорога.

Простая.

– Клав, ну ты, это самое, не убивайся так... Пойди вот, экзамен сдай, отвлечешься...

– Клав, ты, это, прости, но вы с ней хоть раз, это... были?..

...Потом он дождался, пока опустеет кладбище.

Люди, еще недавно бывшие скорбной процессией, теперь понемногу тянулись к выходу; один только Юлек Митец отстал, растерянно оглядываясь в поисках Клава. Не нашел, бегом догнал ребят – подавленных и возбужденных одновременно. Дюнкиной матери уже не было видно – за ней захлопнулась дверца машины...

Все эти люди перестали интересоваться Клава много часов назад. «Иметь совесть» – значит быть последовательным в своем эгоизме.

Вечерело. Сильно, густо, тяжело пахли увядающие цветы.

– Дюнка, – сказал он, опускаясь на колени. – Дюнка, я хотел сказать тебе, что мы поженимся после экзаменов... Не прогоняй меня. Можно, я тут посижу?

Мягкое закатное небо. Примиряющие голоса цикад.

– Дюнка...

Он не нашел слов.

Возможно, он хотел сказать, что непростительно привык к ее любви. Что слишком часто позволял себе высокомерно отмахиваться – приходи завтра. Что она была для него наполовину вещью, наполовину ребенком. Что он не знает, как себя наказать. И поможет ли самое страшное наказание...

И тогда он сказал то, что счел нужным. Что считал единственно правильным и естественным.

– Дюн, я клянусь тебе никогда и никого, кроме тебя, не любить.

Ветер ли тронул верхушку темной кладбищенской елки? Или Дюнка, смотревшая *оттуда*, бурно завозмущалась, затрясла мокрыми волосами, возмущенно вздернула заострившийся нос?

– Я сказал, – прошептал он неслышно. – Прости.

За спиной у него треснула ветка. Он напрягся, медленно сосчитал до пяти – и обернулся.

Он не запомнил всех, кто был на похоронах – но почему-то был уверен, что именно этого старика там не было. Мятый темный костюм, разбитые ботинки – может быть, кладбищенский сторож?.. У бродяги, промышляющего пустыми бутылками, определенно не может быть такого волевого лица. И такого ясного взгляда.

– Я лум, – сказал старик, будто отвечая на беззвучный вопрос. – Не беспокойся.

Лум. Утешитель на кладбище. Говорят, что ремесло это происходит от какой-то забытой ныне веры. От служителей, когда-то находивших слова для самых больных, самых обескровленных потерей душ. Родители Дюнки не прибегли к услугам лума, гордо не пожелали делить ношу собственного горя; возможно, старик решил, что отбившийся от процессии Клав станет его клиентом.

– Нет, – Клав отвернулся. – Спасибо, но... Я не верю во все это. Мне не надо. Я сам.

– Во что ты не веришь? – удивился старик.

– Я хочу быть один, – сказал Клав шепотом. – С... ней. Пожалуйста, уйдите.

– Ты не прав, – старик вздохнул. – Ты не прав... но я уже ухожу. Только...

Клав досадливо поднял голову.

– Только, – старик пожевал губами, будто пытаясь на вкус подобрать нужное слово, – ты... делаешь, что делать нельзя. Ты ее тревожишь и зовешь. Ты ее держишь; тех, кто принадлежит *тому* миру, ни в коем случае нельзя тащить *сюда*. Нявки...

Клав дернулся:

– Уходите.

– Прощай...

Черные еловые ветки дрогнули, пропуская неслышно уходящего лума. Клавдий Старж, шестнадцатилетний мальчик, считающий себя мужчиной, остался в одиночестве.

С Дюнкой.

* * *

Ночь она провела на вокзале.

Болезненное чувство незащищенности гнало ее с этажа на этаж, из зала в зал; всякий раз, засыпая на несколько минут в глубоком самолетном кресле, она просыпалась, будто в бреду, и долго не могла понять, кто она и где находится.

Наконец, устав от душного тепла и неестественного света белых плафонов, Ивга выбралась на влажный от мороси перрон; мельчайшие частички воды вились вокруг нестерпимо ярких фонарей, будто мухи. Приходили и уходили неудобные ночные поезда, кто-то деловитый и черный шел вдоль огромных страшных колес, звонко постукивая железом о железо. Стрелки круглых вокзальных часов намертво прилипли к циферблату, ночь навалилась навсегда, Ивга отчаялась.

Полицейский, дежуривший около касс, покосился на нее сперва равнодушно, потом заинтересованно; остановившись прямо перед ним, Ивга долго и демонстративно изучала расписание поездов, огромное поле названий и цифр, целый мир, собранный на ровных мерцающих линеечках.

Ей вдруг захотелось вывернуть карманы – и на последние деньги купить себе право ходить по вокзалу хозяйкой. Хозяйкой билета и собственной судьбы, и свысока поглядывать

на любопытного полицейского, и быть хоть в этом – совершенно легальной. Законопослушной. Правильной...

Мысль оказалась столь заманчивой, что она даже шагнула к окошку, на ходу прикидывая, как далеко смогут завезти ее оставшиеся жалкие финансы; впрочем, уже следующий шаг был вполнину короче, а потом ноги и вовсе отказались идти, потому что уехать сейчас – значило окончательно отказаться от Назара.

Полицейский удивленно вытаращился; Ивга стояла, подняв глаза к расписанию, и наивно полагала, что если слезы не бегут по щекам, то их и вообще не видно...

Но глаза ее переполнились. Как два пруда, пережатые плотинами.

– Девушка, могу я вам помочь?

Полицейский был виден нечетко. Кажется, он смотрел с сочувствием.

Ивга мотнула головой и поспешно направилась к выходу.

* * *

Утро застало ее в обществе наяды из городского фонтана. Кутаясь в серую куртку – подарок Назара! – она пыталась удержать остатки тепла, не допустить за воротник ни струйки сырого воздуха, задержать дыхание; на голове у наяды сидел голубь, и лапы его соскальзывали, соскальзывали, срывались...

Временами Ивге казалось, что никакого голубя нет. Что это плод ее воображения, что вместо наяды белая скульптура изображает женщину, цепями привязанную к столбу, а у ног ее – каменные вязанки хвороста, по которым уже бежит, поднимается каменный огонь...

В затылке сидел вроде бы гвоздь. Сидел давно, и чувствовал себя все более и более вольготно. Вростал.

Заскрипели колеса; Ивга дернулась.

Сквозь раннее, почти безлюдное утро шла девочка в вытянутой кофте, из под которой выглядывало синее платье, похожее на школьную форму. Следом гроыхала по асфальту ее яркая тележка.

– Горячие бутерброды, – сообщила девочка, хотя тележка была пуста и безжизненна.

Ивга облизала губы. Гвоздь в затылке ввинтился глубже.

– На вокзале больше не ночуй, – девочка зачем-то потрогала переносицу, и Ивга вдруг поняла, что ей не четырнадцать лет, а гораздо больше. – На тебя уже положили глаз... Нехорошие люди.

Ивга молчала, не опуская взгляда.

– Нехорошие люди делают нехорошее дело, бездомная девчонка – товар, который пропадает даром, – продавщица бутербродов усмехнулась краешком рта. – На вокзал не ходи.

Ивге сделалось страшно. Девчонка молчала и ухмылялась, и в глазах ее стоял готовый ответ на еще не заданный вопрос: ты знаешь, кто я. Потому что знаешь, кто ты сама. Вот и подумай...

Ведьма, матерая ведьма смотрела на Ивгу из тщедушного тела школьницы. По Ивгиной спине продрал мороз; чтобы побороть страх, она вообразила свою собеседницу на уроке математики. У доски, со щербатым мелком в тонкой руке, с серьезно закушенной губой...

Девочка, кажется, удивилась:

– Что смешного?..

– Ничего, – сказала Ивга, поспешно отводя глаза.

Девочка покатала взад-вперед свою тележку:

– Пойдешь со мной?

– Нет, – Ивга поднялась, почувствовав, какой тяжелой сделалась вдруг сумка. Разозлилась на собственную робость и добавила: – Я предпочитаю гетеросексуальные связи.

Гвоздь, больно угнездившийся в затылке, дернулся и занял сильнее; вскинув сумку на плечо, Ивга быстро зашагала прочь, но слова, брошенные вслед, все равно догнали ее и больно ударили в спину:

– Тебе не из чего выбирать, дура. Хуже будет, если тебя сожгут безвинно.

* * *

Приступ паники прошел, оставив слабость в коленках и противный привкус во рту; Ивга села в трамвай и проехала два кольца, покуда кондуктор не стал на нее подозрительно коситься.

Говорят, что всякая ведьма боится инициации, как всякая девственница боится первой брачной ночи. Ивга не знала, так ли это; с девственностью она рассталась играючи – ей все казалось, что они с Назаром балуются. Но вот при мысли о возможной инициации ее охватывал животный страх, ей казалось, что она стоит на краю пропасти, что зубчатый край ее – грань, из-за которой не возвращаются. Что человек и собака похожи больше, нежели человек и ведьма...

В кошмарных снах ей виделось, как она в длинном черном одеянии нависает над раскрытой старой книгой. Как она идет по узкой извилистой дороге, одна из множества в жутком, заволакивающем шествии; в конце концов, как она голая летит на помеле и на зад у нее – маленький хвост. Но стоило проснуться, стоило ощутить рядом с собой теплого, ослабленного Назара...

Ивга очнулась. Прямо перед ее глазами помещался новенький телефон-автомат – серый, с одной только длинной и глубокой царапиной. Как шрам на молоденьком лице.

Ивга прерывисто вздохнула. Вот уже два дня ее преследуют телефоны. Телефоны гонятся за ней по пятам, хватают за руки, бросают трубками в лицо: набери номер! Набери, и Назар скажет: Ивга... Лисенок мой, куда же ты...

Она закусила губу. Голос послышался слишком ясно, чтобы быть выдумкой; может быть, она способна на расстоянии читать Назаровы мысли. Может быть...

– Алло.

Ивга чуть не вскрикнула. Прижала трубку так, что больно сделалось уху.

– Алло, я слушаю.

Сухой, напряженный голос. Ждал ли он звонка? Может ли догадаться, кто именно сейчас молчит и дышит в трубку?

Не может не догадаться, поняла Ивга, холодея. Не может. После случившегося – да кто еще станет звонить и молчать?!

– Ничего не слышно, – сказал скучный голос Назара. – Ничего не слышно... Алло. Говорите.

Она хотела сказать. Уже набрала в грудь воздуха, отчего по телефонным проводам на много километров полетело приглушенное: хха...

– Ничего не слышно, – сообщил Назар. – Перезвоните, пожалуйста.

Гудки. Гудки, гудки, лезут и лезут из трубки, как лапша, как прутья, которыми в старину наказывали непослушных детей.

Ивга очень осторожно опустила трубку – но выходить из кабины не стала. Смотрела, как скатываются по стеклу капли неторопливого, медленно начинающегося дождя.

Площадь Победного Штурма восемь, квартира четыре. Телефон...

Ей всегда трудно давались телефоны. Как запомнить ряд ничего не значащих цифр?..

Но этот номер намертво впечатался в башку. Как назло...

Или это у них визитки такие? Раз прочел – и уже никогда не забудешь?..

Дождь закапал ей за воротник; она невольно втянула голову в плечи.

* * *

После целого дня бессмысленных скитаний она набрела на Дворец Инквизиции.

Вот уже несколько часов она кружила, блуждала, заходила в кофейни на чашечку дешевого кофе, изучала названия улиц и между тем все сужала и сужала круги; наконец, ее глазам предстало высокое, достаточно новое, но стилизованное под старину здание с острой, уходящей в небо крышей.

Ивга встала, как птенец перед логовом змеи. Со створок широких дверей глядели медные гербы с кривой надписью: «Да погибнет скверна». Скверна – это я, поняла Ивга, прижимая к груди свою сумку.

Справа от главного входа помещалась изящная стеклянная дверка; рядом стоял рекламный щит, только вместо обычной рекламы на нем красовался сурового вида плакат. Ивга мигнула; гвоздь в затылке жалобно заныл.

«Ведьма, помни, что общество не отказывается от тебя. Отрекшись от скверны и встав на учет, ты сделаешь себя полноправным и законным гражданином... Упорствуя во зле, ты обрекаешь себя на горе и одиночество... Согласно статье... свода законов... не состоящие на учете... наказываются привлечением к общественным работам... замешанные в злодеяниях... подлежат суду Инквизиции...»

Ивга всхлипнула. Вот, сейчас она откроет милую стеклянную дверку и вступит на путь... навстречу прочим гражданам, полноправным и законным, таким, как Назар. Если общество от меня не отказывается, почему отказываешься ты? Ты что же, лучше общества?!

Тыльной стороной ладони Ивга вытерла скудную влагу под носом. Ее охватил какой-то болезненный кураж – она успела подумать, что это приятнее, нежели отчаяние или паника. Сейчас, не сходя с места, она возьмет и позвонит Великому Инквизитору. Вот так, не разминаясь на мелочи... Проклятье, где телефон?! Полно же было, целый город телефонов...

Рука ее бодро отстучала весь номер от начала до конца – и только на последней семерке заколебалась. Всего на мгновение.

Она надеялась, что запомнила неправильно. Что такого номера не существует, и телефонный робот тут же и сообщит ей об этом своим противным гнусавым голосом...

Гудок. Длинный гудок вызова. У Ивги похолодело в животе.

Сейчас трубку возьмет какая-нибудь озабоченная домохозяйка: «Что?! Инквизиция? Помилуйте, не шутите так, вы ошиблись номером!»

Сколько гудков прошло? Три или пять? Господин Великий Инквизитор занят, его практически никогда не бывает дома...

На восьмом гудке она почти успокоилась. Решила для очистки совести досчитать до десяти – а там и убраться восвояси. Тем более, что кураж, толкнувший ее к телефону, весь уже и поветрился...

– Я слушаю.

Ивга чуть не выронила трубку.

Холодный, чуть усталый голос. Отстраненный, будто из другого мира.

– Я слушаю, да...

Следовало скорее дернуть за рычаг. Оборвать опасную ниточку, которую она по неосторожности протянула сейчас между собой и...

– Кто говорит?

Ивга облизнула губы и потянулась к рычагу.

– Ивга, это ты?

Она не успела остановить собственную руку. Продолжая начатое движение, ее ладонь придавила рычаг, да так, что железные рожки больно впились в тело.

* * *

За сутки эпидемии в округе Рянка умерли десять человек и заболели сто восемь; всю вину за случившееся справедливо возложили на ведьм. Программы новостей, по традиции выходившие в эфир каждый час, неустанно повторяли один и тот же скандальный кадр: молодая ведьма, с пеной у рта кричащая в объектив:

– Это еще начало! Это только начало, вы увидите!..

Любительская съемка шабаша. Возмущенная толпа; сгоревшее тело на костре посреди площади. Клавдий глотал горячий кофе – но морщился, будто от лекарства.

Этот шабаш какому-то сумасшедшему удалось заснять еще в прошлом году, телекомпания выкупила его за баснословную сумму и теперь, едва слышав слово «ведьма», спешит выдать эти блеклые кадры за хронику последних событий. Клавдий желчно усмехнулся; все они имеют очень приблизительное представление о том, что такое настоящий шабаш. И добрая сотня людей отдала бы оба уха за право запустить руки в видеоархив Инквизиции.

Тело на костре. Тоже давние кадры – но там, в Рянке, действительно кого-то сожгли, и притом совершенно безвинно. У окружного штаба Инквизиции в Рянке с утра дежурят пикеты: «Защитите нас от ведьм!»...

А вот из какого сумасшедшего дома они вытащили эту истеричку? «Это еще начало, это только начало, вы увидите!»

Испуганная женщина с ребенком на руках. «Ну что мы им сделали, этим ведьмам, что мы им сделали... Говорят, что все колодцы... что водопровод тоже отравлен...»

Клавдий погасил экран. Выудил из полупустой пачки очередную сигарету; в углу почтительно стоял посыльный. Стоял и думал, что умеет тщательно скрывать свои мысли, а между тем из-под слоя вежливого внимания на его лице явственно проступали растерянность и возмущение: Великий Инквизитор лениво расслаблен. Великий Инквизитор бездействует, закинув ноги на табуретку, пьет кофе и приканчивает пачку сигарет, в то время как эпидемия разрастается, а паника грозит захлестнуть и столицу тоже...

Вполголоса проблеял телефон. Звонил начальник внутренней стражи.

– Да погибнет скверна...

– Да, – Клавдий щелкнул зажигалкой, щурясь на синевато-желтый огонек.

– Их привезли, патрон... Четверых. Прочую шелуху отсеяли еще в окружном управлении...

– В камеру для допросов.

– В каком порядке?

– Все равно. По алфавиту, – Клавдий бросил трубку и поднялся. Встретившись с ним взглядом, посыльный невольно сделал шаг назад; Клавдий кивнул ему, отпуская.

В приемной маялся куратор округа Рянка. Не желая отравлять сигаретным дымом некурящего рянкского коллегу, Клавдий вышел через потайную дверь; куратор маялся с утра, ожидая вызова. Клавдий еще не решил, зачем он мучит этого достойного, в общем-то, человека; он примет решение после. И постарается забыть, что пять лет назад этот самый куратор готов был костями лечь, но не допустить Клавдия Старжа до его теперешнего поста. Или, наоборот, постарается вспомнить...

Камера для допросов традиционно помещается в подвале, куда от его кабинета пять минут спокойной ходьбы. Вот и прекрасно; значит, Великий Инквизитор благополучно успеет докурить.

(Дюнка. Октябрь-декабрь)

На следующий курс лицеиста Старжа перевели условно, и уже осенью он сдал два недостающих экзамена «в рабочем порядке». Его соседом по комнате был теперь Юлек Митец, благодушный увалень, любимец девчонок, рыцарь с мандолиной; в комнате чуть не каждый день было тесно и шумно, и Клав теснился и шумел, как все. Он все теперь делал как все, потому что слишком запали в душу те слова Дюнкиной сестры: «Имей совесть, Клав... будто ты один любил Докию...»

На кладбище удобно было ездить автостопом. Водители тяжелых самосвалов вскоре стали узнавать его и останавливались, даже не ожидая просьбы.

О его ночных поездках знал только Юлек. «Клав, ну ты... сегодня дождь такой, может, ты бы уже завтра съездил, а?... Ладно, молчу-молчу, ну, я тогда сегодня Линку к себе приведу, ты же не будешь против?»

...Он часами сидел на низкой скамейке у кладбищенской ограды. Он ставил рядом автомобильный фонарь с аккумулятором – и погружался в полузабытье, в сон наяву, и там, в этом сне, Дюнка была жива. Была рядом.

Старый лум встретился ему только однажды. Неслышно вышел из темноты, заступил дорогу к могиле:

– Мальчик, ты по неведению творишь зло. *Не беспокой*. Не мучь ее и себя, вспоминай о ней светло, но не нарушай *этот* покой своими призывами!..

– Вы не сумеете меня утешить, – сказал Клав тихо. – Отойдите.

Старый лум сжал губы:

– Ты наделен определенными... возможностями. Не знаю, кем ты станешь, но... Твое желание имеет слишком большой вес. Не желай неразумного.

С этими словами он и ушел.

* * *

С наступлением зимы Юлек Митец, до сих пор покорно терпевший, пока Клав «переболевает» и справится наконец с горем, не выдержал наконец и решил взбунтоваться:

– Да ты ненормальный! Тебя заклинило прям, ну зашкалило, прям как градусник в кипятке! Я вот «скорую» к тебе вызову, пусть транквилизатор вколют! Ты что, не можешь днем сходить, в воскресенье, как все люди?!

Клав открыл рот и послал приятеля в место, откуда не возвращаются. Юлек смертельно обиделся и замолчал надолго.

А через неделю Клав простудился-таки и заболел, не сильно, как раз на недельку в изоляторе; из царства медицины невозможно было незаметно уйти, и угрюмый санитар едва не набил строптивому больному морду. Лишенный главного содержания своей жизни, Клав с головой залез под одеяло и в привычном бреду потянулся к Дюнке. «Не покидай меня...»

В день его выздоровления в лицее давали традиционный зимний бал; для Клава это был удобный случай бесшумно исчезнуть. Сославшись на слабость и головную боль – а после болезни он был-таки слаб – Клав отказался составить компанию Юлеку и его мандолине; случилось так, что под вечер разыгралась метель, да такая, что даже фанатичному Клаву хватило ума отказаться от посещения кладбища.

Лицеисты веселились; Клав сидел в пустой комнате, у залепленного снегом окна, и на столе перед ним стоял электрический светильник в виде толстой витой свечи. Отражение лампы в черном оконном стекле казалось настоящей, живой свечкой; над свечой сидел хму-

рый мальчик, считающий себя взрослым – его отражение было таким же суровым и таким же угрюмым. Колотился в окно злой, раздраженный снег.

...Ощущение не пришло внезапно. Он поймал себя на том, что уже несколько минут напряженно прислушивается, не то к отдаленным звукам веселья, не то к вою ветра, не то к себе самому. Тоненький червячок тревоги сперва чуть шевельнулся в груди, потом болезненно дернулся, как на крючке, обдавая кожу морозом куда более жестким, чем тот, что царил за окном. Клаву показалось, что стеклянный огонек свечи колыхнулся, будто пламя под порывом сквозняка.

Он провел руками по лицу. Посидел несколько секунд, прячась от мира за ненадежной решеткой из сцепленных пальцев. Потом выдвинул ящик стола, наощупь выловил пузырек с бледными таблетками и сглотнул сразу две, не запивая водой.

Успокоение наступило через несколько минут. Насильственное успокоение – будто на его колотящееся сердце накинули смирительную рубашку. Он сонно замигал глазами, потом зевнул, глядя в темное стекло, опустил голову на руки...

Новый толчок беспокойства пробился сквозь сонное оцепенение, как нож сквозь вату. Несколько секунд Клав боролся, потом встал и включил плафон под потолком. Комнату залило светом до последнего уголка – на душе у Клава было темно и страшно. Будто бы, прикованный цепью к железным перилам неведомой лестницы, он слушал мягкие, медленно приближающиеся шаги по ступенькам. Медленно, но размерено и неуклонно. Кто идет? Что идет?!

Он понимал, как глупо будет выглядеть, ввалившись посреди вечера на бал – бледный и перепуганный, в линялом спортивном костюме. Он понимал это и кусал губы – но не гордость и не стыд задержали его, когда он готов был переступить порог.

А что это было за чувство – он так и не смог понять.

Колотился в стекло сухой снег. Ровно горела электрическая свеча, и плафон под потолком горел честно и ярко, и в окне, как в черном зеркале, отражалась уютная комната двух прилежных лицеистов. А с той стороны стекла белело лицо, наполовину освещенное уличным фонарем, будто луна в ущербе.

Клав прижал руку ко вздрагивающим ребрам. Проклятые пьяные шутники, как они взобрались на балкон...

Мысли были не те и не о том. Мысли были защитные, инстинктивные, так птица, обороняющая гнездо, прикидывается подранком... Клав сделал шаг к окну. Потом еще. Потом...

Ее лицо было грустным. Очень печальным, длинным и тонким, как огонек свечи, со скорбно поджатыми губами, с тенями вокруг неестественно огромных глаз. Один взгляд. Длинное мгновение.

Ветер!..

Свирепый ветер, кидающий в стекло снег, и стекло-то, оказывается, заledenело снаружи, покрылось узором, в него никак не заглянуть – зато уличный фонарь подсвечивает его сбоку, и сумасшедшему мальчишке в игре теней мерещится невеста что...

* * *

Тесное сводчатое помещение освещалось одним-единственным факелом, помещавшимся у допросчика за спиной. Клавдий протянул руку в темноту – невидимый стражник тут же накинул ему на локоть тонкий невесомый плащ.

Все убранство допросной состояло из длинного дубового стола и дубового же кресла с неимоверно высокой, резной спинкой; усевшись, Клавдий автоматически потянулся за сигаретой в нагрудном кармане – рука его нащупала пачку сквозь непроницаемый шелк плаща. Клавдий опомнился и набросил на голову капюшон; легкая ткань, пахнувшая нафталином и

сыростью, закрыла его лицо до самых губ. Против глаз прищлись узкие привычные прорези; через минуту Клавдий перестанет ощущать неудобство. Притерпелся.

Некоторое время в допросной камере царила глухая тишина; Клавдий смотрел прямо перед собой. Встреча с ведьмой не терпит легкомыслия; Клавдий молчал, по капле впуская в себя Великого Инквизитора.

– Вперед, – сказал он наконец. – По одной. Порядок не имеет значения.

Протяжно заскрипела кованая дверь; ее петли традиционно не смазывались. Клавдий ждал.

Молодая. Не больше тридцати. Запястья и щиколотки в колодках – значит, те, кто изловил ведьму, сочли ее достаточно опасной. Равнодушно-надменное лицо...

Глаза Клавдия в прорезях капюшона сузились. Стоящая перед ним была щит-ведьма, и те, кто запихнул ее в колодки, вовсе не были дураками. Щит-ведьма, на долю которой уже наверняка выпадали встречи с Инквизицией – близкое присутствие изготовившегося к беседе Старжа было ей мучительно, однако внешне это не проявилось никак. Ведьма встретила удар мужественно – и привычно; так огрубевшая кожа бестрепетно принимает падающий хлыст.

– Здравствуй, щит, – сказал Клавдий вполголоса. – У тебя есть имя?

Ведьма молчала. За ее спиной двумя темными столбами высились громилы-стражники.

Клавдий опустил руку на лежащие перед ним бумаги:

– Магда Ревер. Мне все равно, называли тебя так при рождении или ты сама себя наградила этим именем... Может быть, хочешь жить?

Волна его напора накрыла ведьму с головой; поймав надменный взгляд, Клавдий ввинтился в него, измеряя «уровень колодца». Ведьма дернулась, но в широко открытых глазах не было боли. Этот щит ковали не дилетанты.

Расслабившись, Клавдий откинулся на спинку кресла. По единой шкале ее «колодец» – семьдесят два. Высоко. Даже очень. Опасно...

– Понимаешь, что тебя ждет? Будешь говорить со мной – или я помогу тебе рассказать, что мне нужно?

Магда Ревер дернула щекой:

– Не сумеешь.

– Да? – Клавдий подался вперед.

Он не собирался исполнять свою угрозу. Продираться сквозь щит, да при уровне с семьдесят два, да после тяжелого дня у него не было ни малейшего желания; однако ведьма истолковала его движение буквально.

Губы ее расцвели девичьей, почти детской улыбкой; измятый деловой костюм, в котором ее, вероятно, и взяли, вдруг переменял свой грязно-бежевый цвет на снежно-белый, потом расползся лоскутками и стек на каменный пол. Магда Ревер стояла нагая, и колодки, намертво соединявшие оба ее запястья и обе щиколотки, казались теперь порождением причудливой эротической фантазии.

Магда Ревер запрокинула голову, и по телу ее прошла длинная, глубокая, сладострастная судорога. Коричневые соски напряглись и вскинулись, заглядывая инквизитору в глаза; в ушах у Клавдия глухо ударили барабаны. Громче, громче...

Закусив губу, он выбросил вперед правую руку со сцепленными пальцами. Ведьма не удержала болезненного вскрика.

Несколько минут Клавдий разглядывал собственную тень, подрагивающую вместе с огнем факела, и слушал, как опадает напряжение. Вот такие повороты он не любил особенно. После таких вот допросов слишком долго чувствуешь себя под заборным кобелем, слишком сильно себя презираешь...

Он поднял глаза. Магда Ревер скрючилась, но не упала; на ней по-прежнему был мятый деловой костюм, и стражники за ее спиной стояли, как ни в чем не бывало. Они ничего не видели. Щит-ведьма не станет распыляться на целую компанию мужиков...

– Магда, – сказал он шепотом. – Ты заработала свой костер.

Она вздрогнула, но глаза не изменили своего отрешенно-надменного выражения.

– У тебя два часа на размышление... Я хочу сделать Рянку округом без ведьм. Это сложно – но мне поможешь ты...

Губы ведьмы расползлись к ушам.

– ...или не поможешь, – невозмутимо продолжил Клавдий, – и у палача не будет повода для сомнений.

Щит-ведьма молчала. Под мятым пиджаком Клавдию померещились очертания сосков; он сжал зубы:

– Мы поедем в Рянку. И ты передашь в мои руки все эти тоненькие ниточки... не держайся. Ты это сделаешь или кто-то другой... Кто-нибудь да сделает.

Он вскинул руку, показывая, что допрос окончен. Уводимая Магда хотела что-то сказать – но не сказала, только глаза ее на мгновение сделались узкими, как бойницы осажденной крепости.

– Номер семьсот двенадцатый, Магда Ревер, – сказал Клавдий в пространство. – Режим содержания жесткий.

Два часа, отведенные ей на размышление, щит-ведьма Магда Ревер проведет в стационарных колодках, в одиночной камере, где в каждую стену вмурован знак зеркала. На узком пяточке, где даже помыслы отражаются от стен и возвращаются, десятикратно усиленные, к своему источнику...

Если Магда хочет выжить, ей придется думать о приятном. Клавдий криво усмехнулся.

При мысли о кураторе округа Рянка его усмешка сделалась злорадной; теперь он, по крайней мере, знает, что сказать человеку, просидевшему в его приемной много долгих неприятных часов. Теперь он знает, чего ради унизил рянковского коллегу – не из врожденной гнусности характера и даже не в отместку за былые интриги; поимка щит-ведьмы принесла бы рянчанину заслуженные лавры, если бы произошла перед эпидемией, а не во время нее. Теперь бедняга-куратор не дожидется похвал...

Клавдий подавил в себе желание курить. Передернулся, вспомнив сладострастно набухшие груди Магды Ревер; сжал зубы и поклялся себе доработаться сегодня до потери сознания. Так, чтобы вообще ничего не хотелось. Как мертвецу.

– Дальше, – сказал он глухо. – Следующая.

Протяжный скрип несмазываемых петель. Вошедшая женщина, свободная, без колодок, зашипела сквозь зубы и осела на руки стражников.

Обыкновенная рабочая ведьма. Средняя по многим показателям; непонятно, почему ее выделили из прочих задержанных и доставили к нему на допрос. Хотя с «колодцем» тут явно не все в порядке. Станный какой-то колодец.

– Поднимайся, – сказал он негромко.

Стражникам приходилось удерживать ее. Она безвольно висела на их руках; защитных сил у нее хватало только на то, чтобы не лишиться сознания.

– Давай не будем воевать, – он чуть поправил капюшон, удобнее устанавливая прези для глаз. – У тебя нет для этого сил, у меня нет желания... В Рянке – что? «Удар» или «сеточка»?

– Не знаю, – прохрипела она с ненавистью, и в качестве наказания за ложь он ввинтился в ее взгляд и замерял «колодец».

Ведьма закричала, не в силах выносить боль; Клавдий стиснул зубы. Семьдесят четыре. У серенькой, обыкновенной рабочей ведьмы... Нечто похожее испытывает огорожник, на чьем участке изловили медведку величиной с королевского пуделя.

Женщина замолкла, погрузившись в глубокий обморок. Клавдий покосился в протокол предварительных допросов. Ксана Утопка, по профессии – учитель начальной школы.

Закрыв глаза, он в мельчайших подробностях вообразил себе рянского куратора. Мысленно взял его за грудки, встряхнул...

А ведь придется ехать в Рянку. Туда, где не сегодня-завтра во множестве запыхают костры самосудов. Пожирающие не щит-ведьм и не воин-ведьм, и даже не рабочих ведьм – а просто глупых неиницированных девчонок, вроде той, рыжей, похожей на лисичку...

– Номер семьсот девятый, – сказал он в темноту. – Ксана Утопка, режим содержания – нейтральный... И быстренько врача.

Открылась и закрылась скрипучая дверь.

Следующая ведьма вошла в камеру с гордо поднятой головой, и Клавдий узнал ее. «Это еще начало! Это только начало, вы увидите!...»

– Привет, кликуша, – бросил он сквозь зубы.

Девчонке было лет пятнадцать. Присутствие Клавдия тяготило ее – но не более; ее внутренней защите позавидовал бы тяжелый танк.

– Привет, палач, – отозвалась она невозмутимо. – Поленцев припас?

– Припас, – ласково успокоил Клавдий. – Так что же, говоришь, это только начало?

Девчонка оскалилась:

– Сам увидишь.

Она была флаг-ведьма. Эти фанатичны до безумия, и, что самое неприятное, владеют основами предвидения. Эдакие истеричные вещуньи, прикрывающие кликушеством холодный расчетливый ум.

– Ты совершеннолетняя? – спросил Клавдий раздумчиво.

– Нет, – сообщила девчонка беспечно. – Мне нет восемнадцати... Согласно своду законов о ведьмах несовершеннолетние особи не подлежат допросу с пристрастием, ровно как и всем видам казней... Ага?

– Ага, – кивнул Клавдий и поймал ее взгляд.

Секундная пауза; девчонка резко побледнела, но боли не выдала. Клавдий отпустил ее – и устало откинулся на спинку кресла.

«Уровень колодца» – семьдесят шесть и пять. Либо куратору округа Рянка следует выдать премию за отлов трех самых сильных ведьм в стране, либо...

Либо в Рянке с недавних пор рождаются эдакие ведьмачие монстры. Как грибы. На ровном месте.

Клавдий прикрыл глаза. Курить хотелось невыносимо.

Флаг-ведьма. Предчувствия, предсказания, потаенные надежды и страхи...

– Никаких допросов с пристрастием, – сказал он сквозь зубы.

Его правая рука вытянулась по направлению к собеседнице, так, что кончики напряженных пальцев оказались на уровне ее зеленых нагловатых глаз. У флаг-ведьм есть преступная слабость – они слишком любят прорицать.

– Убе... рите! – выдохнула девчонка; пальцы Клавдия сжались.

...Вряд ли она сказала бы что-нибудь даже под пыткой; однако пророчества лезли из нее сами, и она не могла, да и не слишком хотела удерживать этот сумбурный мутноватый поток. Зеленые глаза вдохновенно горели:

– Она... идет! Она уже идет, она... – неразборчивое бормотание. *Она* возьмет нас к себе, и... – бессвязные выкрики. Блаженная улыбка.

Клавдий скосил глаза в ящик стола – да, диктофон работал. Он возьмет этот текст на заметку – кое-что может оказаться интересным, хотя теперешний, сиюминутный смысл предсказания таится, без сомнения, в одной только фразе:

– Одница! – выкрикивала девчонка, запрокидывая голову. – Округ Одница, да, да, да!

Слово «Одница» для множества людей звучало как музыка. Округ-курорт, приманка для туристов всего мира, бесконечные полосы пляжей, красивая жизнь, священная мечта, вынашиваемая долгие месяцы осени и зимы, деньги, откладываемые и припасаемые специально «на Одницу», для Одницы и во имя ее...

Округ Одница граничил с Рянкой. И куратором там был как раз человек Клавдия, проверенный, верный, и, ясен пень, в Рянку ехать уже поздно. Одница, округ Одница...

Девчонка закончила пророчить через десять секунд после того, как он снял принуждение и отвел руку. Криво усмехнулась, пытаясь восстановить утраченное достоинство; как-никак, а она поддалась насилию. Сделала то, чего от нее требовали.

Мсть не заставила долго себя ждать:

– Ты закончишь свою жизнь на костре.

Клавдий поднял брови:

– Ой ли? Ты ни с кем меня не перепутала?

– Ты умрешь на костре, – повторила девчонка с нажимом. – Жаль, что я этого не увижу.

– Нашла, о чем жалеть, – сказал он искренне, но девчонка не угомонилась, и, уже уводимая по коридору, продолжала звонко вопить:

– На костре!.. Великий Инквизитор разделит участь ведьм, на костре, на костре, на ко...

Скрипучая дверь закрылась, проглотив конец ее фразы; Клавдий решил, что для перекура уже слишком поздно.

Четвертая из задержанных была худа и крючконоса. Темный плащ болтался на ней, как на вешалке; при виде Клавдия – черная фигура, подсвеченная факелом, черный капюшон, пристальные глаза в узких прорезях – женщина затряслась и закрыла лицо руками.

Некоторое время он оторопело смотрел на нее. Привыкший доверять профессиональному шестому – или уже седьмому? – чувству, он пребывал на этот раз в затруднении; «Диара Луц, – говорил предварительный протокол. – Администратор танцевального ансамбля. Предположительно воин-ведьма, классификация затруднена в связи с...»

Пробежавшись глазами по тексту, Клавдий соскользнул к нижнему краю листа, к подписям. Прочитал и испытал нечто вроде облегчения; значит так, дорогой мой рянкский куратор. Теперь тебя можно отстранять легко и без всяких колебаний – потому что такого промаха не прощают даже близким друзьям. Надо же, «воин-ведьма»...

– Я не ведьма, – прошептала крючконоса, все еще закрывая лицо руками. – Это ужасная ошибка... Клянусь жизнью, я не ведьма, я...

– Я знаю, – отозвался Клавдий со вздохом.

Женщина на секунду затихла. Оторвала от щек мокрые пальцы; подняла на Клавдия опухшие от слез глаза:

– Вы... Я не... За что?!

– Верховная Инквизиция приносит вам свои глубочайшие извинения, – сказал он официальным бесцветным голосом. – Виновные в трагической ошибке будут строго наказаны.

Она всхлипнула:

– Меня... как... вместе с... ними... как же мне теперь... жить... что я скажу...

Стражники, изрядно удивленные, уже провожали ее в коридор; Клавдий не выдержал и потупился, пряча глаза.

Скрипучая дверь закрылась; Великий Инквизитор в раздражении откинул капюшон, стянул с плеч шелковый плащ и нащупал в нагрудном кармане вожделенную пачку сигарет.

* * *

На куратора округа Рянка он не стал тратить времени. Вообще; подписал приказ о смешении и велел Глюру довести до ведома.

Полтора часа были съедены сводками и донесениями; эпидемию в Рянке удалось приостановить, зато в Бернсте, на другом конце страны, начался массовый падеж скота. Перед дворцом Инквизиции мок под дождем озлевающий пикет. Клавдий мимоходом взял в руки еще теплую фотографию, с которой глядели хмурые лица и достаточно оскорбительные плакаты; он почему-то был уверен, что в эту же самую минуту точно такая же фотография ложится на стол к герцогу.

Будто отвечая на его мысли, замигал красный огонек на панели правительственного телефона.

– А до вас нелегко дозвониться, господин Великий Инквизитор.

– Работа во имя безопасности государства требует некоторой подвижности, ваше сиятельство, – отозвался Клавдий сухо.

Герцог хмыкнул:

– Тогда остается надеяться, что в ближайшие часы вы будете куда подвижнее, нежели последние полгода... Если, конечно, здесь есть какая-то зависимость. Между вашей подвижностью и числом погибших в Рянке. Между вашей подвижностью и уроном, нанесенным хозяйству Бернста; вы слышали, там отчего-тодохнут коровы? Отчего бы это, вы не знаете?

– Для чистоты эксперимента, – медленно проговорил Клавдий, – для чистоты эксперимента следовало бы отправить меня отдых... на курорт в Одницу, к примеру. И поглядеть – может быть, так будет лучше? Может быть, коровы оживут?..

– Самое время слегка пошутить, – голос герцога из холодно-насмешливого сделался просто холодным.

– Самое время меня вздрючить, – отозвался Клавдий в тон. – В одном анекдоте ушлый пастушок лупил быка-производителя прямо во время, так сказать, процесса... Чтобы улучшить качество потомства. Да?

Герцог сделал паузу. Любой чиновник за это время трижды успел бы наложить в штаны. Значительная пауза, красивая.

– Без обид, Клав, – сказал герцог тоном ниже. – Но мне неприятно то, что происходит.

– Мы сделаем все, чтобы оно происходило как можно меньше, – сообщил Старж примирительно.

На том и порешили.

Несколько минут Клавдий осторожно держал в руках опустевшую трубку; потом щелкнул по рычагу и вызвал номер заместителя:

– Завтра утром, Глюр, я намерен оказаться в Однице.

* * *

Он заехал домой на полчаса. Снова изучил содержимое холодильника, пополненного вездесущей домработницей; выпил холодной воды, поменял рубашку, с отвращением покопался на вонючую пепельницу и повалился на диван – пятнадцать минут ни-о-чем-не-думания. Это святое.

Из расслабленного полусна его вывел телефонный звонок; рука сама, на ощупь поймала трубку:

– Я слушаю.

Тихонько потрескивал незримый коридор, возникший между ним и кем-то, молчащим на том конце провода.

– Я слушаю, да... – повторил он механически.

В трубке дышали. Тихо и сбивчиво; еще не успев ни о чем подумать, Клавдий сел на диване:

– Кто говорит?

Никто не говорит. Тишина; не ошибка неверных проводов – просто молчание. Трубка, намертво затиснутая в чьей-то руке. Отдаленный шум города, пробивающийся сквозь стенки телефонной будки. Сдерживаемое дыхание, причем тот, кто дышит, не особенно велик. Маленький объем грудной клетки...

– Ивга, это ты?..

Испуганно завопили короткие гудки.

Клавдий взглянул на часы. Под окнами его уже ждет машина.

Зар-раза...

Он пощелкал по кнопкам, набирая номер; трубку, по счастью, взял младший Митец. Хрипловатый и, кажется, сонный.

– Назар? – Клавдий постарался, чтобы голос его прозвучал как можно естественнее и беспечнее. – Это Клав говорит. Как дела?

– Спасибо, – выдавил парень через силу. – Хорошо... Я... позову папу?

Клавдий замялся:

– Назарушка, я ведь уезжаю сию секунду... Просто хотел спросить, все ли... А Ивга не появилась?

Пауза. Да, герцогу есть еще куда расти. И у кого учиться. У Назара Митеца, двадцати с половиной лет.

– Нет, – произнес Назар наконец. – Так папу не звать?

– Привет передавай, – сказал Клавдий поспешно. – Ну, пока?

– Пока...

Снова многозначительные короткие гудки. Что за день сегодня, подумал Клавдий устало. Праздник телефонного пунктира...

Он набрал другой номер. Дежурный по тюремному блоку ответил сразу же.

– Добрый вечер, Куль, это Старж говорит... Магда Ревер, щит-ведьма, номер семьсот двенадцатый, ничего не хочет мне сказать?

Молчание. Ну что за поразительный день, подумал Клавдий.

– Куль, я не умею читать мысли, если они не облечены в слова.

– Господин Великий Инквизитор... Я десять минут назад доложил господину Глюру, что...

– Что?!

– Магда Ревер, номер семьсот двенадцатый, покончила с собой. Через знак зеркала... Господин Великий Инквизитор, я готов понести кару, но...

– Понятно. Продолжайте нести службу, Куль. Все, что я хочу по этому поводу сказать, я скажу вам при встрече.

На этот раз гудков не было – дежурный Куль преданно ждал, чтобы Клавдий положил трубку первым. Ну надо же, какие церемонии...

Магда Ревер все равно была обречена. Другое дело, что убивать себя через знак зеркала мучительно и противно – все равно, что топиться в собственном дерьме. Она сидела в колодках, в крохотной квадратной камере, и вызывала к жизни всю свою ненависть и желчь; отражаясь от стенок со знаком «зеркала», ее собственные нечистоты медленно ее убивали.

А может быть, быстро. Она ведь была сильной и злой, эта Магда Ревер. Может быть, и смерть ее была легка...

В дверь почтительно звякнули. Клавдий прошел в переднюю как был, полуодетый, и тем сильно смутил возникшего на пороге телохранителя:

– Господин Старж, из аэропорта звонили, ждать нас или нет...

– Заждались, – бросил Клавдий равнодушно. – Можно, я штаны надену? Нет?

Телохранитель вежливо промолчал.

(Дюнка. Декабрь-январь)

С того самого вечера он перестал ездить на кладбище, потому что ночные посещения могилы не приносили больше отдыха, а только обостряли поселившееся в его душе беспокойство.

Юлек, кажется, был рад – однако вскорости странное поведение приятеля стало беспокоить его куда больше, чем бывшие бдения на могиле.

Клав нервничал. Клав вздрагивал от невинного прикосновения к плечу; Клав боялся темноты – и в то же время жадно всматривался в ночные окна, в сумерки на улицах, и выражение его глаз в такие минуты очень не нравилось Юлеку.

– Малый, ты, это... Не стесняйся только, если что. Всякое бывает, может быть, тебе к врачу?..

– Спасибо, Юль. Со мной все в порядке.

Однажды, вернувшись с занятий раньше сотоварища, Юлек обнаружил в комнате следы чужого присутствия и предположил, что к Клаву приходила девочка.

– Малый, ты сегодня никого не ждал? Вроде посидела и ушла, конфету из вазочки слопала и наследила вот... Чего она, по общаге босая ходит?

Клав сделался не белый даже – синий. Юлек впервые всерьез подумал, что хорошо бы переселиться в другую комнату. От греха подальше.

И он наверняка решился бы на столь крутую меру, если бы знал, что каждую полночь Клав просыпается с белыми от страха глазами. Ему ночь за ночью снится лицо, заглядывающее из воды в круглое окошко черной самосвальтной камеры. Не живое и веселое, как в тот летний день – а белое и неподвижное, затерянное среди ненужных атласных оборочек тяжелого гроба...

– Юль, это ты только что дверью хлопнул? В комнате?

– Не... Я думал, ты.

– Я... Я в умывальню ходил...

– Ну, значит, Пиня забежал свою книжку забрать, а что такого страшного?

– Ничего... Вот его книжка, лежит...

– Ну, еще кто-нибудь... Ну и что?! Сопрут у тебя что-то? Ты, это, дерганый такой, как баба-истеричка. Гризапам горстями жрешь, смотри, скоро на иглу сядешь...

– Пошел ты...

* * *

Очередной бессонной ночью Клав признался Дюнке в постыдной трусости. Он боится неизвестного; то, что находится на грани между «есть» и «нет», навевает тоску. Он живет ради того, чтобы думать о Дюнке – почему же с того памятного выюжного вечера мысли о ней вызывают страх?.. Пусть она не обижается. Если она слышит его – пусть подаст знак. У него хватит любви, чтобы перешагнуть через *это*...

После этой сбивчивой исповеди на него снизошло странное спокойствие; он безмятежно проспал ночь и проснулся ровно в семь – как от толчка.

Юлек размеренно сопел – в тот день у него не было первой пары. В умывальне напротив лили воду, негромко переговаривались, хихикали братья-лицеисты – ежедневные утренние звуки, слишком обыденные для того, чтобы поднять Клава из теплого глубокого сна...

Запах. Какой странный запах, неприятный дух паленой синтетики...

Он встал. Хлопая в полутьме глазами, выбрался за ширму, отгораживающую «спальню» от «прихожей», и включил настольную лампу.

Прикосновение давней метели. Снежинки, бьющиеся в стекло...

Он еще не понял, в чем дело, но майка на спине уже взмокла, повинувшись бессознательному.

На стареньком деревянном столе, где толпились банки консервов, пачки печенья, кофейник, спички и хозяйственное мыло, спокон веков лежала пестренькая клеенчатая скатерть.

Среди намалеванных на ней яблок и помидор, лука, орехов и прочего радостного изобилия темнел сейчас черный след ожога.

Так бывает, когда по недомыслию коснешься кленки утюгом. Остается сморщенный, почерневший рубец – и гадкий запах горелого. Вот как сейчас...

Только тот, кто был здесь несколько минут назад, коснулся скатерти не утюгом и не паяльником. Потому что горелый след был отпечаток ладони. Выжженный след пятерни.

...Клав сдержался.

Юлек по-прежнему сопел; прислушиваясь и вздрагивая от любого изменения в его дыхании, Клав судорожно принялся сдирать скатерть со стола.

Звякали банки. Клав торопился, шипя неслышные проклятия; он почему-то был уверен, что любой чужой взгляд на отпечаток *этой* руки сулит неслыханные беды. По счастью, на столешнице под скатертью ожог едва просматривался – Клав ожесточенно соскоблил его ножом.

Юлек спал; Клав натянул пальто – прямо поверх пижамы – и выскользнул из комнаты, прижимая к груди небольшой газетный сверток.

...Он возвращался, пропахший дымом от сгоревшей синтетики. Никто не видел. Никто не узнает.

На углу оживленно беседовали и дымили в пять сигарет ребята из службы «Чугайстер». Прохожие обходили их на почтительном расстоянии; Клав приблизился, улыбаясь широко и обаятельно:

– Ребята, угостите сигареткой.

Под пятью такими взглядами Юлек Митец, к примеру, одним махом наложил бы в штаны. Клав только скромно пожал плечами:

– Ну нету денег у бедного лицеиста, мама с папой на сигареты не дают, оно и понятно, да?

– Да, – с насмешкой отозвался коротконогий, с мощным торсом крепыш; широкая меховая безрукавка делала его фигуру приземистой, как стол. – Курить вредно, хамить опасно.

– Хороший парень, – усмехнулся другой, сутуловатый, с прозрачными, как стекло, голубыми глазами. – Тебе уже семнадцать исполнилось?

– Нет, – сообщил Клав, не утруждая себя враньем. – Но, поскольку с бабой я уже переспал, давайте будем считать меня совершеннолетним. Да?

Кажется, четверо из пятерых на мгновение растерялись. Пятый, немолодой, с навечно загорелым скуластым лицом, удовлетворенно кивнул:

– Убедил. Лови.

В руку Клаву легла сигарета, короткая и толстая, и следом протянулась зажигалка:

– Закуривай...

И он затанулся впервые в жизни.

Те четверо, что молча злились на него за свою мгновенную растерянность, сразу же взяли реванш. Мальчишка кашлял, легкие его раздирались свирепым «матросским» табаком, а из глаз градом катились слезы.

– Достукался?

– Как с бабой-то, так же было? Или все же сподручнее?

– А вот в лицее твоём расскажу! Вас там розгами, часом, не учат?..

Преодолевая тошноту, Клав затягивался снова и снова. Перед глазами у него дотлевала скатерть с выжженным следом ладони. Если бы чугайстры *это* видели...

Ему нужно было преодолеть страх перед ними, чугайстрами, убийцами нявок. Ему, сообщнику, уничтожившему улику. Потому что теперь Дюнка будет с ним, он знает это точно.

Ему все равно, кто она теперь. Но теперь они будут вместе.

Глава третья

Ивга выпалась в метро. Забилась в угол сидения и продремала так часов шесть, и вокруг сменялись какие-то люди, и снилось, что вытаскивают из-под руки сумку, что будят, хватают, куда-то ведут... Она в ужасе открывала глаза – и, успокоившись, засыпала снова, а тусклые лампы горели, пассажиры входили и выходили, за стенами были тоннели, и голоса их вплетались в ее сон то ревом толпы на площади, то пронзительным детским хором.

Потом поезд остановился на конечной, и угрюмый старичок в форменном мундире велел ей выходить. Был час после полуночи.

Выбирать место ночлега не приходилось; Ивга потерянно постояла под звездами на совершенно безлюдной улице. Пахло ночной фиалкой, успокаивающе шелестели деревья, Ивга не могла сообразить, в каком конце города находится. Вдоль улицы тянулась желтая стена – Ивга пошла вдоль нее просто потому, что больше нечего было делать.

Взгляду ее открылись железнодорожные пути со стадом расцепленных товарных вагонов, почему-то коротающих здесь ночь; пахло машинным маслом и снова-таки ночной фиалкой, ветер приносил откуда-то запах воды, видимо, близко был берег реки или озеро. Ивга подумала, что, отыскав укромное местечко, она сможет славно выспаться; почти сразу же пришло ощущение чужого невидимого присутствия.

Ивга не так хорошо видела в темноте и не так точно угадывала человеческие мысли, но интуиция у нее всегда была сильна, и потому ей сразу же стало ясно, что ночлега здесь не будет. Не стоит здесь спать. Наверняка не стоит...

Будто подтверждая эту ее мысль, чуть в стороне возникли, как призраки, белые глаза фонариков.

Ивга остановилась. Все страхи, которые охочая до испуга людская фантазия приписывает заброшенным безлюдным местам, вспомнились одновременно и слепились в один клубок. Маньяки? Насильники? Людоеды?..

Крикнула женщина. Резко и сильно, как большая птица; фонарики метнулись вперед и рассыпались полукольцом. Ивга почувствовала себя, как в плохом сне – ноги должны бы идти, но не отрываются от асфальта.

Они выскочили Ивге навстречу. Похожие, как близнецы – впрочем, в темноте и на бегу разглядеть их было невозможно. Обе молодые, обе бледные, обе в лохмотьях; у обеих в глазах застыл звериный ужас. Патологический страх, будто бы то, что преследовало их из темноты, было стократ ужаснее смерти.

Ивга отшатнулась; они пронеслись мимо, не заметив ее, едва не сбив ее с ног. От них пахло чем-то, чему Ивга не могла дать названия – но сильнее пахло страхом, и на какое-то время Ивга потеряла власть над собой.

Бежать. Добежать до метро, хотя бы вырваться на улицу, прочь от страшной желтой стены... Еще немного, только бежать, изо всех сил, вон из кожи...

Те две бежали впереди; когда они нырнули под темную тушу вагона, Ивга поверила, что там спасение. Холодно блеснул рельс в свете одинокого фонаря; обдирая ладони, бросив бесполезную сумку, Ивга тяжело выбралась с той стороны. И снова под вагон, и снова... Лиса среди рощи, обложенной охотниками. Рыжий зверь, уходящий от погони, запутывающий следы, вперед, вперед, вперед...

Яркий свет фонарика отразился в кем-то брошенной консервной банке. Ивга закричала; те, что бежали впереди, закричали тоже. Полностью теряя рассудок, сделавшись животным, бегущим по кромке между жизнью и смертью, Ивга последним усилием бросила тело в узкую щель стены. Там спасение, там человеческие дома, там...

В последний момент ее схватили за ногу. Бледные женщины закричали снова – в два голоса, тоскливо и жутко.

Их было много. Они были везде – кольцом, кольцом, черные одеяния, теряющиеся на фоне ночи, и нелепые безрукавки, посверкивающие искусственным мехом в режущем свете фонарей. Вот они стали кругом, вот положили руки один другому на плечи, вот шагнули вперед...

Крик.

Круг танцующих сомкнулся. Как хищный цветок, изловивший муху и удовлетворенно поводящий тычинками; как бродячий желудок, готовый переварить все живое, по неосторожности попавшее в круг. Инструмент чудовищной казни – танец чугайстров.

Хоровод. Черета сложных движений – то медлительных и тягучих, то мгновенных, стремительных; прядильный станок, вытягивающий жилы. Обод черного, изуверски провоцирующего колеса; танец чьей-то смерти...

И запах фиалок. Неестественно сильный запах.

Земля встала дыбом.

С каждым движением множились невидимые нити, захлестнувшие жертв. Как пульсирующие шланги, забирающие жизнь. Как черные присоски, вытягивающие душу. Две тени, бьющиеся в долгой агонии, и третья – обезумевшая, беззвучно кричащая Ивга.

Удушающая, пропахшая фиалками ночь. Выворачивающая наизнанку, отскабливающая дымящиеся внутренности с вывернутой шкуры...

– Ведьма...

Кажется, на мгновение ей позволили потерять сознание. Куда-то отволокли за руки и за плечи, по траве, по мелким камушкам, впивающимся в тело. Ночь превратилась в день – ей в лицо ударил свет сразу нескольких фонариков, и она забилась, закрывая лицо руками.

– Тихо, дура...

– Затесалась...

– Потом. Потом...

Ее оставили в покое.

Вот почему эти нявки так орут. Вот что они, приблизительно, чувствуют... И потом остается пустая кожа. Как чулок. С первого взгляда тонкий, искусно сшитый комбинезон. С пластинками ногтей. С белыми шарами глаз. С волосами на плоской голове, плоской, как сдувшийся мячик, и оттого неестественно огромной...

Чугайстры закончили. Ивга только и сумела, что отползти подальше в сторону. Под вагон, где ее тут же и нашли.

– Иди сюда...

Она не сопротивлялась.

– Ты ведьма? Ты что здесь делаешь, дура?

Она бы объяснила им. Ох, она бы объяснила...

– Расклеилась девчонка, – сказал один, на чьем фонарике был желтый солнечный фильтр. – А нечего шляться ночью по пустырям. И удирать тоже нечего, коли не нявка...

Ивга почувствовала, как ее безвольную руку забрасывают на чье-то жесткое плечо:

– Пойдем, девочка... Ты, – это подельщику, – свои проповеди в письменном виде... О правильном поведении для молоденьких ведьм, которые инициироваться не хотят, а на учет становиться боятся. Так ведь? – это Ивге.

Ивга длинно всхлипнула. Обладатель жесткого плеча все слишком быстро понял и слишком емко объяснил; земля качнулась под ногами, и, стремясь удержать равновесие, она вцепилась в меховую безрукавку на его плече.

– Ты не бойся... Мы тебя не тронем. На кой ты нам сдалась, дура... – это тот, с солнечным фильтром. – Другие, может, и воспользовались бы оказией, да нам надобности нет, видишь ли, у нас таких девчонок... Да не таких, а почище и покрасивше, надо сказать...

Кто-то засмеялся. Кто-то беззлобно бросил – «заткнись»... Борясь с оцепенением и болью, Ивга подумала, что обладатель желтого фильтра среди них шут. Шут-чугайстер, так не бывает, но вот же, есть...

– Эй, девочка, а сумка-то твоя? Твоя – или кого-то из *тех*?

Ивга всхлипнула и прижала сумку к груди.

Их машины стояли по ту сторону стены. Крытый фургон с желто-зеленой мигалкой на крыше и несколько легковушек, больших и маленьких, потрепанных и не очень.

– Тебя подвезти? – высокий чугайстер с круглой, почти наголо остриженной головой распахнул перед Ивгой дверцы фургона; под мышкой он небрежно держал свернутый пластовый мешок на молнии, Ивга знала, что там внутри.

Видимо, это знание отразилось у нее на лице, потому что тот, на чье плечо она опиралась, примирительно повторил:

– Не бойся...

Она замотала головой. Она не сядет в фургон под страхом смерти. Она скорее ляжет под его колеса...

– Давай я тебя довезу, – вдруг совершенно серьезно предложил обладатель желтого фильтра. – У меня «максик», ты ведь простых, цивильных машин не боишься?

Все они, полчаса назад бывшие шестеренками чудовищного механизма, сейчас негромко, совершенно по-человечески разговаривали за ее спиной. По очереди заводились машины; Ивга поняла вдруг, что стоит перед закрывшейся дверцей фургона, и вокруг нет уже никого, и тот, за чье плечо она держалась, договаривается о чем-то с высоким, круглоголовым, и оба говорят о будущем дне, но называют его не «завтра», а «сегодня»...

А небо уже не черное, а серое. Темно-серое, мутно-серое, рассвет...

– Тебе что, некуда ехать? – тихо спросил тот, кого Ивга про себя назвала шутком. – Дома нет? Выгнали, или ты приезжая? Без денег?

Она хотела попросить, чтобы он от нее отстал – но вместо этого лишь жалобно растянула губы, пытаясь изобразить улыбку.

– Пойдем, – он взял ее за руку.

У него действительно был «максик». Маленькая машинка, которую будто бы только что поддал под зад самосвал, и оттого багажник сделался похожим на гармошку.

– Я теперь сутки отдыхаю... Ты не бойся. Я же не зверь... Ты посмотри на себя, красивая ведь девка... Я понимаю, инквизиция вас гоняет, но я – не инквизиция... Да брось ты сумку на заднее сиденье, что ты вцепилась в нее, не отберу...

Желтая стена поплыла назад. Быстрее, быстрее...

Ивга прерывисто вздохнула и закрыла глаза.

* * *

Одница встретила Клавдия душной ночью, цепями огней и бронированной машиной на краю бетонки – черной, похожей издали на мокрый лакированный штиблет.

– Да погибнет скверна, патрон.

Прошло целых полминуты, прежде чем он узнал голос. Глубокий и сильный голос несостоявшейся оперной певицы. Надо же, как она изменилась за прошедшие три года. Не постарела – но изменилась сильно, или виной тому неестественно желтый свет фонарей?..

Тонированные стекла машины делали внешний мир сказочно-зыбким, матовым, призрачным; презирая поздний час, Одница сверкала огнями, ворочала полотнищами реклам,

строила приезжему глазки. Клавдий вдруг вспомнил, как лет тридцать с лишним назад впервые приехал сюда с матерью, и тоже ночью, и в аэропорту взяли такси, и волшебный город за окном казался...

– Куратор Мавин приготовил отчет, патрон. И по первому же вашему требованию...

– Я по ночам не соблюдаю этикета, – уронил Клавдий глухо. – Не утомляй меня, Федора, я и без того малость утомленный... Как дети?

Последовала пауза. Поздние машины, которых на ночных улицах водилось изрядно, уважительно шарахались от неспешно ползущего черного броневика; коротко стриженный затылок водителя за синим стеклом ловил отсветы огней и потому казался планетой, вращающейся вокруг сотни светил.

– Дети... хорошо, – медленно ответила Федора. – Все... хорошо.

– Я не знал, что ты в Однице, – честно признался Клавдий.

Федора бледно улыбнулась:

– Вижна не в состоянии уследить за всеми кадровыми перестановками... Это было бы ненормально.

– За три года ты здорово продвинулась по службе.

– Стараюсь...

– А в каких ты отношениях с этим склочником Мавином?

Снова пауза; Клавдий понял, что неверно поставил вопрос. Неправильно сформулировал.

– В достаточно теплых, – отозвалась наконец женщина. – Но не в близких... Если ты это хотел узнать.

Клавдий хотел заверить ее, что «не хотел» – но вовремя удержался. Подобное уверение прозвучало бы и вовсе вызывающе.

– Твой визит не планировался заранее, – сказала женщина с коротким смешком. – Слишком внезапно... Мавин задержался – он ведь тебя боится.

– Да? – искренне удивился Клавдий.

Женщина перевела дыхание. Потупилась:

– Знаешь... Мне было бы проще, если бы мы остались в рамках этикета.

Проще – не всегда означает лучше, хотел сказать Клавдий. Но удержался, избавил язык от многозначительной фразы. Чего доброго, Федора подумает о нем, что он умнее, чем есть на самом деле...

Он криво усмехнулся; женщина напряглась.

– Мы можем вернуться в эти рамки, – сказал он примирительно.

Федора отвернулась:

– Поздно... Теперь это меня оскорбит.

Железный характер, змеиный ум – и мнительность некрасивого подростка. Нет, он никогда и ни в чем не мог ей помочь. И, вероятно, не сможет.

– Как ты думаешь, почему я приехал?

Снова напряжение в ее красивых холодных глазах. Почти испуг; или снова обманывает призрачный скользкий свет?

– Клавдий, – почти скороговорка, – Клав...

Она впервые произнесла его имя. Поспешно и как-то скомкано, будто боясь обжечь язык.

– Клавдий, у нас большие неприятности... У меня, у Мавина... У нас у всех...

– Да?

– Да... Летом смертность в округе традиционно возрастает. Несчастные случаи в горах, на воде... Отравления, молодежные драки... Колоссальный приток туристов... и очень

сложно определить... когда за чьей-либо смертью стоит ведьма. Но... за последние две недели мы приговорили десять человек. Приговоры еще не приведены в исполнение...

Клавдий молчал. Федора волновалась; за всю историю Инквизиции всех служивших в ней женщин можно было перечесть по пальцам. Обеих рук и одной ноги. На подобных постах женщины, как правило, отличаются жестокостью и непримиримостью – в душе Федоры хватало того и другого. Но сейчас она волновалась, и Клавдий не хотел ей мешать.

– За последний месяц, патрон, уровень вновь инициированных ведьм вырос в среднем в два раза... «Колодцы» – семьдесят пять, восемьдесят... Небывалая... агрессивность... И – сцепка. Раньше такого не было, всякая ведьма одиночка... Теперь...

– Почему же куратор Мавин не обращался с докладом в Вижну? – прошелестел Клавдий одним из самых страшных своих голосов. И почувствовал, как отстранилась, сжалась Федора:

– Он... Сперва мы думали, что это ошибка. Потом – что это наш недосмотр, что мы что-то где-то пропустили и теперь расхлебываем... Понятно, докладывать о... собственной несостоятельности...

– Я все понял, – сказал Клавдий обычным голосом. – Не говори Мавину о нашей беседе. Пусть расскажет мне сам.

Машина остановилась перед слабо подсвеченным зданием – памятником архитектуры. Самый старый и красивый Дворец Инквизиции в стране.

– Клав...

Он почувствовал, что его держат за руку.

– Клавдий... Ты ведь все понимаешь? Что происходит? Ты остановишь это, да?

Распахнулась дверца. Водитель почтительно склонился, приглашая господ инквизиторов выйти.

Неприятно пораженный ее слабостью, он хотел ответить что-то успокаивающе-неопределенное – но в этот момент из ночи будто взглянула сузившимися глазами покойная ведьма Магда Ревер. С которой лепестками сползал на пол мятый деловой костюм...

Он увидел Федору нагой. Такой, как помнил – мягкой и женственной, с тяжелой округлой грудью, со слишком широкими по современным меркам бедрами; на правом плече у нее родинка, снабженная дерзким черным волоском. Упругим, как антенна...

Кобель, подзаборный кобель! На глазах у двух подчиненных!..

– Выходи, – сказал он резко. Слишком резко, Федора отшатнулась, но он не стал заглаживать неловкость. Его борьба с собой длилась долгую минуту и стоила новых седых волос – ладно, теперь он будет жестоким. И с Федорой, и... с ними. Товарками покойной Магды Ревер. Сколько бы их ни сыскалось в благословенном округе Одница.

(Дюнка. Февраль-март)

За неделю до окончания зимы он выпросил у приятеля-гребца ключи от домика на спортбазе.

Под потолком горела лампочка в абажуре из паутины, и тела дохлых мух отбрасывали на фанерные стены непропорционально большие тени. Докрасна раскалялись спирали электрического камина, в углу оранжевой горкой лежали спасательные жилеты, а вдоль стены строго, как часовые, стояли красивые лакированные весла. Клав сел на продавленную кровать и ждал.

Он не знал, откуда она появляется. Ходит ли она через *грань* или просто прячется в лозняке. Или, может быть, под водой?..

Деревянные ступеньки старого домика тихо поскрипывали под ее босыми ногами. Заслышав этот скрип, он всякий раз ощущал мгновенную обморочную слабость. И вот еще звук капающей воды – кап... кап...

Со скрипом приоткрывалась дверь. Дюнка стояла в проеме, и мокрые, не собранные в прическу волосы лежали у нее на плечах. С прядей-сосулек прозрачными ручейками скапывалась вода. Тускло посверкивала змеиная кожа влажного купальника...

Поначалу ему было очень тяжело. Он плел чепуху, пытаясь за болтовней спрятать страх и мучительный дискомфорт. В такие дни Дюнка молчала, чуть улыбалась сомкнутым ртом и печально, понимающе кивала.

Потом он успокоился. Привык, стал по-настоящему ждать свиданий без слабости в коленках, без обмирания и ночных кошмаров. Дюнка повеселела, и тогда он поверил наконец, что она вернулась.

Он говорил, она слушала. Все разговоры были ни о чем; иногда она клала холодную ладонь ему на плечо, и он сжимал зубы, пытаясь на вздрагивать. И брал ее руку в свою. И рука из ледяной делалась вдруг горячей, и Клав касался ее губами. И бормотал, как заведенный: «Дюнка, я никого, кроме тебя... Дюночка, ты бы не могла вернуться совсем... Пойдем со мной, пойдем, будем жить в городе, хочешь, я брошу лицей...»

Она молчала и загадочно улыбалась. Не то «да», не то «нет»...

А потом она уходила, приложив палец к губам – точеная фигурка, олицетворение вечного молчания. А он оставался в опустевшей комнатухе, ходил из угла в угол, считал до ста; потом выходил наружу, брал из-под крыльца облезлую метлу и тщательно выметал дорожку, потому что кое-где на снегу, на мерзлом песке проступали отпечатки босых ног. Дальше, у камышей, следы терялись; Клав отдыхал, смотрел на проступившие звезды, потом брал на плечо спортивную сумку и уходил к автобусной остановке, чтобы через день приехать опять...

Юлек Митец молчаливо радовался перемене в настроении соседа. Клав наконец-то завел себе девочку – хорошую, «стационарную», порядочную, не то что Линка-профура; Юлек не шутя полагал себя причастным к излечению приятеля – не зря так долго и ненавязчиво склонял его к подобной мысли. Не зря познакомил Клава с красавицей-Мирой, своей собственной бывшей подружкой, и пусть с Мирой у Клава не сложилось – но в конце концов парень нашел-таки свое успокоение!..

Единственное, что не нравилось добродушному Юлеку – постоянный запах табака, прочно поселившийся в их комнате. Клав курил, как целый химический комбинат. Дешевые вонючие сигареты.

Ранней весной Клаву исполнилось семнадцать. Хроническое душевное напряжение, любовь, радость и тайна, которые он постоянно носил в себе, сделали его необычайно привлекательным для девчонок всех мастей и пород; Юлек ворчал, обнаруживая под дверью комнаты очередное игривое послание. Клав только улыбался уголком рта, и жизнелюбивый увалень Митец в глубине души поражался его прямо-таки рыцарской верности. Надо же, какой однолюб, на сторону и подмигнуть боится!..

* * *

Его звали Пров, и на чистой лестничной площадке перед узкой дверью его квартиры пахло влажной пылью и остывшим табачным дымом. Ивга закусил губу – этот запах, да еще узор на коричневом дерматине и причудливо изогнутая дверная ручка напомнили ей тот день, когда Назар впервые привел ее в свою городскую квартирку. Будто бы время, издеваясь, повернуло на следующий круг, и все, случившееся когда-то с Ивгой, теперь повторяется, будто в кривом уродливом зеркале.

– Входи.

В прихожей пахло иначе – клеем, мылом и чем-то еще, неопределимым; Ивга проглотила вязкую слюну.

– Кофе будешь?

При мысли о кофе Ивгу передернуло. Все эти дешевые кофейни с одинаковыми белыми чашечками, темная жидкость на донце, взгляды завсегдатаев – косые и масляные...

Чая бы или молока, тоскливо подумала Ивга, но губы не пожелали разлепиться, и потому она молча покачала головой.

– Есть будешь?

Она кивнула – поспешно, даже суетливо.

– Посиди покуда... И расслабься, расслабься, картинки вот посмотри...

Некоторое время она тупо разглядывала пыльный теннисный мячик, закатившийся за ножку шкафа, потом обнаружила, что сидит на кончике мягкого кресла, темно-лилового, со слегка потертыми подлокотниками. Потом границы мира раздвинулись еще, и она увидела низкий столик с грудой журналов, диван под мохнатым пледом и прямоугольник солнечного света на полу. По границе между светом и тенью, по самому терминатору шла небольшая комнатная муха.

Ивга вздохнула; испугавшись ее движения, муха взвилась под потолок и закружилась вокруг белого плафона, на котором Ивга разглядела косо приклеенное газетное объявление: «Зоопарку требуются на работу сторож, уборщик и слонопротирщик задней части, оплата сдельная...»

Ивга облизнула запекшиеся губы и огляделась уже осмысленно. Солнечный луч падал из подернутого кисеей окна – на подоконнике стоял цветочный горшок, и в нем росла пенопластовая пальма с резиновой обезьянкой, прилепившейся к стволу. На верхушке пальмы лежал, как на блюде, надорванный пакетик красного перца.

Ивга через силу усмехнулась. Пров насвистывал на кухне, шелестел водой из крана, тихонько позвякивал посудой; от всех этих привычных, домашних звуков у Ивги кружилась голова.

Некоторое время она сидела, откинувшись на спинку кресла и зажмурив глаза. Кто бы подумал, что шум теплой воды на кухне обладает такой завораживающей силой. Приглушенные шаги, звон посуды, солнечный луч на полу... Это реально. Это сейчас. Нет ни нявок, ни инквизиции, ни прошлого, ни будущего – шум воды и запах жареного мяса, ее жизнь длится и длится, пока длится утро...

Она улыбнулась уже увереннее. В солнечном луче кружились пылинки; пестрые обои казались еще более пестрыми от россыпи тут и там приклеенных фотографий, картинок и журнальных вырезок. Помогая себе руками, Ивга поднялась.

Зимний каток, на льду танцует женщина, чья одежда состоит из одних только ботинок с коньками да красного шарфа вокруг шеи. Розовая свинья с неподражаемым скепсисом на морде, уставившаяся на экран маленького монитора. Пров, загорелый, в линялых плавках, верхом на гимнастическом «козле», стоящем по брюхо в реке. Следующая фотография на том же «козле» уже четверо, трое мужчин и девочка лет двенадцати, на их вытянутых руках лежит громадный удав, судя по всему, живой и настоящий...

Уголок снимка оказался аккуратно проколот иглой. На суровой нитке болтались синий автобусный билет, пластмассовое колечко из тех, что выдают школьникам за победу в какой-нибудь викторине, и пакетик шипучего растворимого напитка. Талисманы, имеющие смысл только для их владельца...

Морской берег. Полуосыпавшийся замок из песка, на пороге сидит грустный мальчуган лет пяти, голый, в съехавшем на ухо колпаке звездочета и подзорной трубой на коленях...

Трое, стоящие широким треугольником. В центре его...

Ивга отшатнулась, но оторвать глаз уже не могла.

В центре треугольника лежала на траве женщина со странно деформированным телом. С лицом, вдавившимся внутрь черепа, с вылезшими на лоб глазами. Надувная игрушка, из которой выпустили воздух.

Некоторое время Ивга боролась с собой – хотела вздохнуть, но вздох не получался, будто горло забили ватой. Прошедшая ночь никуда не делась. И никуда теперь не уйдет.

Следующий снимок – неожиданно большой, широкоформатный. Пожилой человек на асфальте, в луже крови. Скрепкой приколота желтенькая служебная бирочка – «смерть наступила... в результате падения с высоты... как следствие контакта с навью...»

Мужчина средних лет в мокром спортивном костюме, на крышке сточного люка. «Смерть наступила... в результате утопления... как следствие контакта с навью».

Ванна, полная темно-бордовой воды. Желтое лицо – не разобрать, парень или коротко стриженная девушка. «Смерть наступила... как следствие контакта с навью...»

Медведь, играющий на лютне. Что-то яркое, летнее, какие-то мячи и тенты, смеющиеся дети, блестящие брызги...

Опустевшее тело нявки. Оболочка, которую можно скатывать, будто коврик. Голова, как продавленный мяч...

– Хватит глазеть. Завтракать пойдем-ка...

Пров стоял за ее плечами. Ивга невольно дернулась от звука его голоса; широкая твердая ладонь примирительно легла ей на талию:

– Тихо, тихо... Сейчас микстурки тебе накапаем. Потому как нервная ты сверх всякой меры... Нервная ведьма – это печально. Все равно как крокодил-вегетарианец.

Ослабевшая и покорная, она пошла за ним в кухню; на сверкающем белизной столе дымились мясным духом две тарелки, изукрашенные ломтиками помидоров.

– Руки-то помой...

В ванной, справа от большого зеркала, она увидела маленький аквариум. На песчаном дне его лежали расколота амфора, несколько речных ракушек и презерватив в упаковке. Две красных рыбки равнодушно проплывали мимо таблички: «В случае крайней необходимости разбить стекло молотком».

* * *

– В последнее время я перестал их понимать, – куратор Мавин в четвертый раз за прошедшую минуту снял очки, чтобы протереть стекла. Они потеряли... не то чтобы осторожность... Чувство меры. Какие-то основные охранительные инстинкты. Я не понимаю, ради чего они совершают... то, что совершают. Ради собственной выгоды?.. Какая там, к лешему, выгода... Безрассудная жестокость, которая заканчивается, как правило, в наших допросных подвалах. Непонятное страшит, а нынешних ведьм я не понимаю совершенно...

– Раньше, выходит, ты мог похвастаться, что понимаешь их? – Клавдий прищурился, смачно выпуская под потолок сизую струйку дыма.

Мавин пожал плечами:

– Мне нравилось так думать, патрон. Это помогало мне... в работе.

За окнами кураторского кабинета светало. Клавдий подумал, что следует немного поспать. Прежде чем влезть в плавки и отправиться на золотой пляж, вымечтанный пляж, раскаленную губу ласкового теплого моря...

– Я и плавков-то не захватил, – сказал он вслух. Федора потупилась, Мавин вымучено улыбнулся:

– Разгар сезона... Станным образом совпавший с... я бы назвал это «временем неожиданных наследниц». Скажем, умирает от сердечного приступа уважаемая дама, не старая

еще хозяйка парикмахерского, к примеру, салона... И является наследница, как правило, из глухого поселка. И... ну что ей надо?! После короткого упадка салон снова оживает, причем клиентура остается во многом прежней... И – вал пациентов для психиатрической клиники. Несколько инфарктов, несколько немотивированных убийств, внезапный выигрыш в лотерею, какая-то маникюрщица, скажем, внезапно начинает петь и взлетает на вершину эстрадной славы... И тогда мы идем их брать. Как правило, слишком поздно. Ведьмачье гнездо уже расплозлось, пустило щупальца; парикмахерши, они почему-то особенно...

Мавин осекся, будто не в состоянии подобрать слова.

– Вплетают клиенткам «жабы волосы», – бесцветным голосом сообщила Федора. – Опять же, остриженные ногти, волосы... По заказу? Чьему? Кто закажет сумасшествие горничной из скромного мотеля, которая на один визит в шикарный парикмахерский салон копит деньги полгода? Зачем?..

Клавдий поднял брови:

– Но ведь маникюрша отчего-то запела?

– Маникурша... – Федора раздраженно поморщилась. – Мы проверяли ее десять раз. Она – побочный продукт. Или чья-то злая шутка.

Мавин вздохнул:

– А ведь в Однице не так мало парикмахерских, патрон. И разного рода салонов, где рядом с невинной татуировкой сплошь и рядом рисуют на коже наивных клиентов клин-знак и насос-знак. И увеселительных заведений, где... – Мавин засопел. – Я уж молчу о тысячах гостиниц, ресторанов, массажных кабинетов, частных клиник, площадок для выгула собак...

Клавдий утопил окурок в громоздкой и безвкусной мраморной пепельнице:

– Мавин, я всегда думал, что ты знаешь округ, в котором работаешь. Более того – когда ты брался за эту работу, ты знал, на что идешь; теперь ты сообщаем мне с обиженным лицом: огонь, оказывается, больно жжет, а оса кусает...

Мавин снова снял очки, открывая взору Клавдия болезненно-розовый след оправы на переносице:

– Тем не менее в Однице спокойно, патрон. Внешне, по крайней мере, спокойно; ради этого мы... ладно. Но эпидемия, к примеру, случилась в Рянке, а не...

– Не зарекайся.

Мавин встретился с Клавдием глазами – и вдруг побледнел так, что даже розовая полоска на переносице слилась с кожей:

– Что? У нас? В Однице? Что?!

– Мне надо сделать одно дело, – Клавдий задумчиво пересчитал сигареты, оставшиеся в пачке. – Я очень должен говорить с вашими смертницами. С теми десятью приговоренными, которые еще не казнены... Не надо так смотреть, Федора. Мне понадобится допросная и... И, возможно, я буду их пытаться.

(Дюнка. Март)

Юлек не знал, что в самый день своего рождения Клаву довелось пережить новый шок.

Нехорошее предчувствие проклюнулось уже на автобусной остановке, где он по обыкновению соскочил с рейсовика, чтобы по безлюдной весенней тропе полчаса шагать до спортбазы. Никаких внешних причин тому не было – ни звука, кроме отдаленного вороньего кара, ни запаха, кроме обычного духа мокрой земли, ни постороннего следа на осевшем ноздреватом снегу – но Клав напрягся, и во рту моментально сделалось сухо.

Привычный путь он преодолел почти вдвое быстрее. У ворот спортбазы стоял микроавтобус – желтый, с цветной мигалкой. Клав показалось, что ноги его по колено увязли в земле.

Сволочи!..

Он уже почти видел тесный хоровод, в центре которого корчится девичья фигурка в купальнике змеино-го цвета. Он уже почти ощущал под стиснутыми кулаками теплую, окровавленную плоть ее палачей. И он всеми силами рванулся туда, вперед, где, один против многих, он все равно сумеет защитить...

Он не сделал и шага.

Вдох. Выдох. Медленно сосчитал до десяти и двинулся вперед спокойно и неторопливо, и не лице его никто, никакой наблюдатель не прочитал бы ничего, кроме удивленного пацаньячьего любопытства.

Чугайстры не танцевали. Их было четверо, они расхаживали по берегу тронутого льдом залива, курили и перебрасывались деловитыми репликами; даже не успев прислушаться, Клав понял, что танца *не было*. У станцевавших, уморивших свою жертву чугайстров совсем другие лица. И движения, и походка.

А значит, Дюнка...

Клав почувствовал, как к бледным онемевшим щекам приливает горячая, шипучая кровь. Дюнка... есть. С ней ничего не случилось. Ее не поймали...

С днем рождения, Клав. Сегодня ты счастливеец.

Его давно заметили. Он выждал еще – ровно столько времени, сколько потребовалось бы бойкому пареньку на преодоление естественной робости. Потом несмело шагнул вперед: – Добрый день... Тут что-то случилось, а?

Снова эти взгляды... Клав думал, навсегда избавился от страха перед ними. Оказывается, он ошибался.

– Привет, – старший из группы был невысок и черняв, по-видимому, южанин. – Позволь узнать твое имя и что ты здесь делаешь?

– Я Клавдий Старж, третий виженский лицей, вот, хотел бы заняться греблей...

– Прямо сейчас? Лед на воде, мальчик. Впору хоккеем заниматься...

В следующую секунду лицеисту Старжу полагалось раскалываться. Бледнеть и краснеть под пристальным взглядом, по капельке выдавливать из себя страшную правду...

Ему *хотелось* признаться. Так же, как, бывает, хочется есть, как хочется справить нужду...

Хорошо, что он выглядит даже младше своих лет. Чугайстер знает, что ни один мальчишка под таким взглядом не соврет. Тут взрослому непросто удержаться.

И Клав захлопал ресницами, имитируя смятение. Он занимается обычным делом – убирает домик, ремонтирует спасжилеты... Смотрит, опять же, все ли замки на месте... В прошлом году вот холодильник из тренерского домика сперли... А штатного сторожа нет...

– Ты один сюда ходишь? Или, может быть, с другом? С подругой?

Он замотал головой, так что волосы выбились из-под капюшона. Никто в такую даль не хочет переться, ему и нравится, что не мешает никто...

– Когда ты приезжал в последний раз? Кого ты здесь встречал? Кого видел?

Он охотно закивал: были всякие. Один пацан шлялся, видно, стянуть чего-то хотел... Ну, рыболовы приходят. Чаем его угощали из тер...

Его грубо оборвали. Велели заткнуться, поворачиваться и идти вон. И больше здесь не появляться. Здесь, по всей видимости, *навье*...

Семена и оглядываясь, он вышел за ворота спортбазы. На полпути к остановке свернул с дороги, забрался в невысокий молодой ельник, сел на сырую холодную хвою и закурил.

Они хотели убить Дюнку. Заставить умереть снова. Но она ушла; он почему-то точно знает, что Дюнка спаслась, что ей уже ничего не грозит.

На этот раз.

* * *

Ивга лежала на диване, поверх мохнатого пледа. Лежала, прижимаясь плечом к стене, не снимая ни свитера, ни выдавших виды брюк; Пров сидел здесь же, у нее в ногах, и его расслабленная поза ни к чему не обязывала. Спокойствие и доброжелательность, никакого нажима – и в то же время Ивга не сможет подняться, пока Пров не выпустит ее... Возможно, Ивга приписывает ему коварство, которого здесь нет и в помине. Просто от страха. Хотя чего бояться, если ты не нявка?..

– Чего ты боишься? – негромко спросил Пров, будто поймав ее на мысли.

Она повертела головой на подушке:

– Ничего...

«Микстурка», которую она безропотно выпила, повинуюсь его мягкому приказу, действительно не была ни наркотиком, ни снотворным. Какая-то травяная, приятно расслабляющая смесь. Впрочем, ей все равно. Ей нравится быть в его власти. Цепенящая покорность – и полнейшее безмятежное спокойствие. Так спокойна хорошая, добротная вещь.

– Помыться хочешь?

Ивга приподняла тяжелые веки:

– А?

– В душ пойдешь? Извозилась же вся, как поросенок...

Ивга через силу улыбнулась:

– Да... Если рыбки... в ванной... не испугаются.

Она запоздало сообразила, что фраза получилась с намеком, и в ужасе покраснела. Жгуче, до слез.

– Рыбки привычные, – сказал Пров с усмешкой. Рука его легла Ивге на подтянувшийся живот.

Ивга заревела.

Она не знала, какое из своих несчастий оплакивать первым. Сильнее оказалась горечь оттого, что на ее долю никогда не выпадет спокойное утро со звоном посуды. Что не будет падать солнце из приоткрытого окна, и Назар... да, Назар не позовет ее завтракать. Ивга отдала бы жизнь за одно такое утро. За многократно осмеянное счастье – быть, как все...

– Я ведьма, – сказала она Прову, глотая слезы.

Тот серьезно кивнул:

– Не повод, чтобы проливать слезы.

– Ты... не брезгуешь? Тебе не противно?..

Пров смотрел на нее долго и так внимательно, что впору было прятаться под пушистый плед.

– Ты меня боишься, – он задумчиво провел пальцем под нижней губой. – А тебя когда-нибудь боялись?..

Ивга всхлипнула.

Пров неуловимым движением подался вперед. Больно придавил к дивану прядь волос, и она поняла, что от него пахнет мятой. Не то от зубной пасты, не то от жевательной резинки.

– Сейчас будем мстить твоему... который профессорский сын, – его рука осторожно высвободила пострадавшую Ивгину прядь. – Прямо сейчас... Дурак он, правда?

– Правда, – прошептала она, с замиранием глядя в черные, с неподвижными зрачками глаза.

– Заплачет он, когда узнает, как мы ему отомстили?

– Заплачет... – повторила Ивга шепотом. И увидела бледное, со стиснутыми губами лицо Назара.

Все это всерьез.

– Ты же вроде бы устал... после дежурства, – выдохнула она, судорожно цепляясь за собственную нерешительность.

– Я уже отдохнул. Ступай, покорми рыбок... Полотенце возьми зеленое. Корм в коробке возле зеркала...

Рыбки ели жадно.

Дверь ванной не запиралась – зияла дырой от замка; Ивга нерешительно повертела в ней пальцем. Чего уж там... Она ведь не на заклание идет. Не на смерть. Не в круг танцующих чугайстров, не в пластиковый мешок на железной молнии... Не в подвалы Инквизиции. Не в душную контору, где ведьм берут на учет, и процедура, как говорят, преотвратная...

Собственно, Назар, чего ты ждал? Ты видишь, какой у меня скудненький выбор. Не хочу ни на учет, ни на костер... На панель, кстати, тоже неохота. Хотя... Господа, посетите экзотический бордель «Шабаш в постели». Секс на помеле, господа, вы будете очарованы, проводя досуг с нашими темпераментными ведьмами...

Она соскучилась по горячей воде. Жадно соскребывала с себя ночи в залах ожидания, смывала запах метро, и назойливый запах дезодоранта смывала тоже – надоел. Измучил за эти три дня, она купит себе другой, пусть на последние деньги, но сегодня же, сегодня...

Она хотела соскоблить с себя кожу. Как змея. Обновиться, отбросив прежнюю, ненужную, тусклую и дырявую жизнь. Будто старый чулок. И, к примеру, без оглядки полюбить доброго человека Прова...

Без оглядки. На те сутки, что остались ему до нового дежурства.

Молния на пластиковом мешке. Молния, молния, красные рыбки, жадно хватающие комочки остро пахнущего корма. Страшные останки нявки на истоптанной траве. Струи горячей воды...

Пров деликатно стукнул в дверь:

– Ты не утонула? Эти, пираньи, не скушали?..

Зеленое полотенце оказалось размером с простыню. Ивга стояла перед Провом, укутанная, как памятник за секунду до открытия. Судорожно сжимая в опущенной руке влажную от пара одежду.

– Подожди, – Пров шагнул в ванную, на ходу расстегивая брюки. – Я их тоже того, покормлю...

Несколько мгновений Ивга стояла в темном коридоре, слушая шум воды.

* * *

Они примчались к стадиону спустя полчаса после начала концерта, когда трибуны вовсю подпевали и аплодировали, когда толпа, стремящаяся проникнуть за ограждение без билета, слегка рассеялась, а само ограждение, цепь парней в униформе, слегка расслабилось и подобрело. Над полем плавали цветные дымы, и по ним носились, ныряя и выныривая, мощные огни неистовых прожекторов.

– Ты никуда не пойдешь, – сказал Клавдий Федоре.

В микроавтобусе, полном вооруженных людей, было непривычно тихо. Как в зале суда за секунду до вынесения приговора. Как в больнице...

– Патрон, – Мавин кашлянул, на стеклах его очков прыгнули блики. – Великий Инквизитор не... здесь оперативная работа. Локальная операция на моем участке, за которую отвечаю я и только...

Клавдий кивнул, соглашаясь. Дождался, пока Мавин облегченно вздохнет, и сообщил холодным официальным тоном:

– Исходя из чрезвычайной ситуации я считаю свое личное участие уместным и необходимым для общего дела. Оперативная группа, – он обвел взглядом сидящих в автобусе, – поступает под мое непосредственное начало. Да погибнет скверна...

Мавин молчал. Клавдий постоял перед ним секунду – чтобы закрепить эффект – а потом открыл дверцу и спрыгнул на асфальт.

Площадь перед стадионом была загажена до невозможности. Переступая через смятые пластиковые стаканчики, обрывки газет и цветную кожуру ярких южных фруктов, Клавдий двинулся в обход огромной каменной чаши, чаши под вечерним играющим небом, тарелки, полной бурлящим человеческим варевом...

Варево. Суп. Опоздал?!

Со стороны сцены надзор был утроен. Группками стояли оставшиеся не у дел поклонники, хмуро поглядывали охранники, увешенные кобурами, будто напоказ. При виде Клавдиевого значка опасные стражи расступились – слегка испуганно, будто толпа деревенских мальчишек.

Над стадионом прыгала песня – и неплохая, надо думать; жаль, что Клавдий никогда уже не прочувствует ее прелести. Подобно хирургу в балете, видящему на месте танца лишь напряженные мышцы и пляшущие сухожилия, сейчас он слышит вместо музыки назойливый шум, глухие ритмичные удары. Не совпадающие с ритмом сердца. Мешающие сосредоточиться.

Не останавливаясь, он вытянул правую руку в сторону и вниз. Те, кто следует за ним по пятам, далеко не дилетанты. Ох, как давно ему случалось в последний раз выезжать на операцию, как давно...

Второй заслон, в штатском. Магическое действие мигающих инквизиторских значков; вытянувшиеся лица. Какие-то девочки из подтанцовки, полуголые, в прозрачных брючках на потное тело; дама в длинном пиджаке, с профессионально твердыми складками в уголках поджатых губ:

– В чем дело, господа? Вы...

– Соблюдайте спокойствие. Верховная инквизиция.

Третий заслон. Мордоворот, которому плевать на значки и приличия; Клавдий не хотел бы марать о него руки именно сейчас. Когда он чувствует ведьму. Все более и более явственно. Там, за закрытой дверью...

– А ну, назад! Стоять, говорю!..

Мордоворот угрожает чем-то... Кажется, пистолетом. Хватит ума выстрелить... В эдакой толчее...

Клавдий шагнул в сторону. Пусть мордоворотами занимаются те, кому это положено по рангу; он, Великий Инквизитор, чувствует ведьму. Он и забыл, что ведьмы не рождаются в допросных кабинетах, готовенькие, в колодках; он не помнит, как выглядит хорошая свободная ведьма...

Он не стал касаться ручки. Просто подал знак – кто-то из тех, кто шел следом, прыгнул, как белка, и ударился в дверь плечом. Податливая фанера, а с виду такая непрístupная...

Грохот. Тонкий вскрик; все тонет в ритме длящейся и длящейся песни.

Комната роскошна. На бархатных диванах живописно разбросаны какие-то тряпки; глубокие зеркала послушно отражают бесконечный ряд светильников. Женщин две – одна стоит в углу на коленях, закрывая лицо руками; другая замерла за спинкой вертящегося кресла, и в руках у нее коробочка с гримом, а глаза...

Клавдий отшатнулся. Ему показалось, что два невообразимо длинных, остро отточенных лезвия одновременно проходят у него под ушами и с двух сторон вонзаются в шею. Стоящая перед ним ведьма была невероятно сильной. Чудовищно.

– Назад, инквизитор.

Снова тонкий крик. Кричит женщина, стоящая на коленях в углу.

– Назад. Или на трибунах окажется много-много парного мяса.

Клавдий молчал. Не время тратить силы на разговоры.

– Ты слышишь меня, инквизитор?..

Песня оборвалась.

Эффектно, на взлете, на высокой ноте, резко, как подстреленная; стадион взорвался аплодисментами, и в этот момент Клавдий кинулся.

Губы ведьмы страшно искривились. В лицо Старжу ударил направленный луч страха – панического, тошнотворного. Он успел выкинуть перед собой руки – зрачки ведьмы сделались вертикальными, как у кошки:

– На... зад...

Снова поток страха – как удар бича. Но уже слабеющего бича, готового вывалиться из руки.

– Назад... инквизитор...

В руках ее тускло полыхнул металл. Серебро. Изогнутый язык серебра.

Вдох. Ведьма запрокинулась назад – грациозно, по-своему красиво; потом, резко согнувшись пополам, кинулась на пол.

Удар рукоятки о паркет. Все.

Та, что стояла на коленях в углу, тихонько заскулила. Там, наверху, на сцене, ударила музыка, и ритмично загнусавили сразу несколько неокрепших девичьих голосков.

Клавдий жестом остановил людей, столпившихся в дверях. Подошел к лежащей ведьме. Провел над ней ладонью, будто желая и не решаясь погладить. Рука ничего не ощутила – будто на паркете было пусто.

Клавдий взял лежащую за плечо и с усилием перевернул лицом вверх.

Кровь ведьмы казалась черной, как кровельная смола. Клавдий только теперь понял, что на лежащей надет синий халатик гримера. И между двух кокетливых нагрудных кармашков торчит рукоятка серебряного ритуального кинжала, дарящего мгновенную и гарантированную смерть. Прекрасная участь для любой ведьмы. Славный уход.

– Что... здесь... господа, вы...

Клавдий обернулся. Отодвинул локтем потную, перепуганную звезду, в ужасе топчущуюся на пороге собственной гримерки. Как покойница говорила? «Много-много парного мяса»?..

Флаг-ведьма, пророчица. «Одница, округ Одница, да, да, да!..»

Что там она еще пророчила, а?..

За дверью, перед фронтом испуганной толпы администраторов и служек стоял куратор Мавин, и глаза его горели холодно и хищно.

(Дюнка. Апрель)

– ...Так куда вас везти, ребята?

Пассажиров было двое. Парень лет шестнадцати и девчонка, закутанная в длинный черный плащ; поднятый воротник закрывал ее лицо до самых глаз.

– Проезд Мира? Ого, в этот час в центре такие пробки...

– Мы не спешим.

Машина неспешно глотала километры. Клав сидел, вжавшись спиной в кожаное сиденье, крепко сжимая в руке холодную Дюнкину ладонь.

Теперь все будет по-другому. Он не позволит за ней охотиться, он никому ее не отдаст. Многолюдная Вижна – не пустая лодочная база, попробуй выследи среди миллиона следов единственный Дюнкин след...

Он снял квартиру в центре. Выпотрошив для этого заветный счет, заведенный три года назад с мечтой купить спортивную машину. Клетушка на пятнадцатом этаже тесного, как улей, дома, где даже соседи знают друг друга лишь мельком и случайно; теперь у них с Дюнкой будет настоящая спокойная жизнь. Будто бы ничего *этого* и не было...

Он вздрогнул, сжимая руку сильнее. Ему было страшно. Он боялся за Дюнку – но вот горе, Дюнку он боялся тоже. Его мозг пытался – и не мог осилить это противоречие: Дюнка умерла... Дюнка вернулась... Она в могиле... Она мертва – и вот она, сидит рядом...

Усилием воли он запретил себе задумываться. О жизни нельзя думать слишком усиленно – пропадет охота жить. Не будем предвосхищать грядущие беды, будем решать проблемы по мере их поступления...

На Дюнкиной спине пятном проступила влага. Это мокрый купальник пропечатывается сквозь тонкий плащ...

– Тебе не холодно?

Отрицательный жест головой. Теперь ей никогда не бывает холодно. И пальцы у нее ледяные, как зима...

Будто ощутив его настроение, она чуть повернула голову. Легко сжала его ладонь – чуть-чуть:

– Клав... Не... покидай... меня.

* * *

Комнатушка была размером с автобус. Над улицей нависал балкон, полукруглый, с неровными проржавевшими перилами. У Клава, который вышел покурить, сразу же закружилась голова, потому что под ногами, на расстоянии четырнадцати этажей, текли друг другу навстречу два безостановочных потока – сверкающий металл, разноцветные фары, раздраженные, доносящиеся в поднебесье гудки... И ночи – как не бывало. Грязноватый, неестественный свет.

Дюнка сидела на продавленном диване. Она скинула плащ и снова осталась в проклятом купальнике змеино-го цвета.

– Сними его, – попросил Клав шепотом. – Давай его... сожжем.

Против ожидания, она послушно кивнула. И стянула с плеча лямку. И другую тоже; Клав смотрел, не догадавшись отвести глаза. В *той* жизни он не видел Дюнкиной наготы. И не может судить теперь, изменилась она *с тех пор* или нет...

Ее грудь казалась белой в сравнении с остальным телом. Ах да, загар... Не бронзовый, а пепельно-сероватый. Или путает свет, пробивающийся с улицы?..

Дюнка привстала, стаскивая змеиную ткань с бедер. Клаву захотелось зажмуриться. Купальник превратился теперь в мокрую тряпочку, жгутом скрутившуюся на ее коленях.

Его бросило в жар. Он невольно взялся рукой за пряжку собственного пояса; Дюнка сбросила купальник на пол и поднялась:

– Клав...

Волосы на его голове встали дыбом. Он чуть не вскрикнул – так больно столкнулись в нем два одинаково сильных, одинаково безжалостных знания.

Любимое тело. Его девушка. Его женщина. Впервые...

Мокрые волосы-сосульки. Ледяные ладони. Босые следы на промерзшем песке. Удушливый запах цветов на могиле, и ее лицо – это самое лицо! в широкой траурной рамке...

Он видел ее в гробу. *Как* теперь...

– Клав... не... прогоняй... меня...

– Я не прогоню, – вытолкнул он сквозь пересохшее горло. – Но...

– Не бойся... Клавушка, не бойся... Я же тебя люблю... Обними меня, Клав, я так долго...

Он впился зубами в нижнюю губу, так, что потекла по подбородку теплая струйка крови:

– Дюночка, не сейчас...

– Клав. Клав...

Не могу, подумал он беспомощно. Не... могу.

Дюнка стояла рядом, и ее руки были холодные, как рыбки. Будто бы она слишком долго просидела в речной воде.

И правда, долго. Ох как долго...

Он заставит себя поверить, что время отступило на десять месяцев назад. Что сейчас жаркий июнь, что завтра предстоит экзамен, что Дюнка попросту перекупалась и продрогла. Он заставит себя забыть похоронную процессию и этот ужасный цветочный запах. Запах кладбищенской глины... Он забудет. Сейчас.

– Клав...

– Сейчас, Дюночка. Сейчас...

У этого поцелуя был привкус крови из прокушенной губы.

– Клавушка...

Он стиснул зубы. Он уже знал, что решится.

Глава четвертая

Телефон плакал длинными гудками. Телефон истекал жалобными воплями: подойди ко мне, подойди... Возьми трубку, это так важно, от этого зависит человеческая жизнь...

Назар не слышал. Назар выдернул телефонный шнур из розетки, установив в своем мире тишину и покой. А может быть, он просто спал.

Ивга устало опустилась на влажную скамейку.

В прихожей у Прова тоже стоял телефон. На маленьком телефонном столике; у Ивги хватило сил развернуть столик, поставить его поперек. Торцом в дверь ванной, другим торцом в противоположную стену... Тесная квартирка была у Прова. Узкий коридор.

Там же, в коридоре, она натянула мокрое белье. Глотая слезы, влезла в джинсы и свитер. Не завязывая шнурков на кроссовках, вылетела за дверь; шум воды в ванной оборвался. Ивгу захлестнул страх – почти как тогда, на ночном пустыре, среди неподвижно чернеющих вагонов...

Она побежала. Сумка колотила по заду, будто подгоняя, поддавая охоты; на дорожке перед домом от нее шарахнулась стайка ребятишек. Старик с хозяйственной сумкой еле удержался на ногах; она вскочила в закрывающиеся двери автобуса и целых пять остановок боялась, что Пров ее догонит.

За что она так с ним? Что он ей сделал, кроме хорошего?..

И что будет, если он все-таки ее разыщет? Если станет искать...

Ох, станет. Такое не прощают. В особенности Пров...

Если бы Назар только подошел к телефону. Ивга не стала бы молчать в трубку – она вполне созрела, чтобы говорить. Чтобы униженно просить, она созрела тоже. Чтобы наняться к папе-свекру... тьфу, к бывшему папе-свекру, к профессору Митецу... Наняться в домработницы. Свадьбы не будет, это козе понятно, Ивга больше не гордая, не честолубивая, вообще никакая... Если Назар не захочет любить ведьму... то пусть защитит хотя бы. Пусть будет... к ведьме... снисходителен...

Косой взгляд проходившей мимо женщины хлестанул, как пощечина. Жалостливо-брезгливый взгляд, подаренный юной бродяжке с мокрыми глазами и красным от слез носом; Ивга ощутила себя налипшим на скамейку плевром. Гадким на вид и возмутительным с точки зрения санитарии; интересно, не захочет ли полицейский патруль, неторопливо прогуливающийся вдоль улицы, расспросить подозрительную девчонку на предмет документов?

Ивга явственно представила себя в приемнике-распределителе. Бездомная безработная ведьма, не состоящая на положенном учете, стучит кулачком по пыльному столу полицейского капитана: «Я позвоню Великому Инквизитору Вижны! Лично! Немедленно! И вот тогда вы ответите...»

Полицейский патруль приближался; Ивга подавила в себе паническое желание бежать. Нашупала в сумке блокнот, раскрыла на первой попавшейся странице, углубилась в изучение собственного скверного почерка. Человек занят делом, человек всего лишь на минуту присел на парковую скамейку, человек – абитуриентка, приехавшая из провинции поступать в институт, слегка потрепанная, но очень-очень прилежная ученица...

Скосив глаза, она видела, как их тени проползли в сантиметре от ее кроссовок. Проползли – но не задели, хороший знак...

– Не трясись, дура. Им до тебя нет дела.

На другом конце скамейки сидела девчонка в платье, похожем на школьное. Рядом источала аппетитный пар вечная тележка с горячими бутербродами.

– Ты бы имидж поменяла, – сказала ей Ивга сквозь зубы. Девчонка подняла брови:

– Что?

– Имидж, – Ивга презрительно скривила рот. – Купи себе парик и зонтик... Или надень кожаную куртку с нашлепками и заведи мотоцикл. Меня тошнит от твоих «бутербродов»... Девчонка усмехнулась, нисколько не уязвленная:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.